Fп
16392

В. Пуришкевичъ.

Чего хочетъ Вильгельмъ II

отъ Россіи и Англіи въ великой битвѣ народовъ.

Петроградъ.
1916.

Научная библиотека СПбГУ
1001514233

Fп 16392

Fп 16392

В. Пуришкевичъ.

ЧЕГО ХОЧЕТЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

отъ Россіи и Англіи

ВЪ ВЕЛИКОЙ БИТВѢ НАРОДОВЪ.

39405

ПРОВЕРКА
2007

ПЕТРОГРАДЪ.
Электропечатня „МАЯКЪ". Вознесенскій 47.
1916.

Лен. Гос. Инст.
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. Гальяго

ЧЕГО ХОЧЕТЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

отъ Россіи и Англіи

ВЪ ВЕЛИКОЙ БИТВѢ НАРОДОВЪ.

Если систематически просматривать наши газеты въ теченіе цѣлаго года войны, если углубляться въ нихъ, читать все то, что пишется по поводу войны, то мы вынесемъ ясное и твердое убѣжденіе, на основаніи газетныхъ статей, что главной причиной войны четверного согласія съ Германіей, Австріей, Турціей и Болгаріей —является германскій милитаризмъ. Что необходимость утихомирить германскій милитаризмъ, положить ему конецъ и предѣлъ, вотъ то, что движетъ народами, которые встали на защиту своихъ священныхъ, законныхъ правъ, противъ воинствующаго тевтонскаго бога.

Но такъ могутъ разсуждать только тѣ люди, которые не вникаютъ въ страницы

прошлаго, въ исторію народовъ, которые не вдумываются въ причины великихъ міровыхъ событій, государственныхъ катаклизмъ, свидѣтелями которыхъ являемся мы. Тѣхъ катаклизмъ, которые въ концѣ концовъ должны будутъ видоизмѣнить карту, быть можетъ не одной только Европы, но и другихъ частей свѣта. Болѣе глубокія причины лежатъ въ основѣ этой войны и вотъ на этихъ причинахъ намъ и придется остановиться.

Пять лѣтъ тому назадъ въ странѣ несчастнаго короля Альберта Бельгійскаго, въ Остенде, мнѣ пришлось проводить лѣто. Я сидѣлъ на берегу моря, въ часъ отлива. Безконечное число ребятишекъ играло на морскомъ песку; дѣти—французы, нѣмцы, англичане, испанцы, русскіе и поляки на перебой другъ передъ другомъ строили крѣпости изъ песку и ракушекъ. Я наблюдалъ ихъ рвеніе, слушалъ ихъ разговоры и споры на различныхъ языкахъ о томъ, чья крѣпость дольше выдержитъ, чья устоитъ послѣ того, какъ отливъ смѣнится приливомъ и морская волна заполнитъ пространство, на которомъ они сейчасъ играютъ. Національные флажки водружались ими на крѣпостяхъ, которыя они сооружали и радостные, веселые, каждый изъ нихъ былъ увѣренъ

что его крѣпость устоитъ дольше, чѣмъ, построенная другимъ. День клонился все болѣе и болѣе къ вечеру, съ тихимъ рокотомъ стала прибывать большая волна и дѣти, и взрослые вмѣстѣ съ ними отступали все дальше и дальше къ той части берега, куда приливъ уже не доходилъ. Крѣпости покрывались морской волной и мы видѣли, какъ онѣ частью смывались, частью оставались. Вечеромъ мы сидѣли въ Сплендидъ—отелѣ напротивъ самаго берега и видѣли какъ морская волна прибывала и казалось была совсѣмъ у нашихъ оконъ. Мы слышали ропотъ клокочущей волны, и я былъ убѣжденъ, что жалкая судьбина постигнетъ крѣпости, сооруженныя дѣтьми.

Дѣйствительно, на слѣдующій день было ясное утро, солнце сіяло во всю, отливъ продолжался, море уходило назадъ и тамъ, гдѣ были вчера крѣпости, сооруженныя дѣтьми, былъ гладкій песокъ и ни одной изъ нихъ не осталось. Никто не могъ бы сказать, что здѣсь, не только что нибудь вчера строилось дѣтьми, но что когда нибудь нога человѣческая ступала на этомъ дѣвственномъ, чистомъ пескѣ, покрытомъ ракушками.

Судьба народовъ очень похожа на эти попытки дѣтей строить крѣпости. Намъ говорятъ тѣ, которые неглубоко вникаютъ

въ философію исторіи, что личности въ исторіи народовъ должно быть придано громадное. первенствующее значеніе, что личность движетъ судьбами народовъ.

Это неправда. Исторія показываетъ, что народъ въ своей жизни есть стихія и что въ извѣстные моменты никакая личность не можетъ удержать ее отъ совершенія того или иного акта, который можетъ или вынести народъ до высшей степени славы, или смыть, снести его такъ, какъ морская волна сносила дѣтскія крѣпости на берегу Остенде.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что личность можетъ свернуть народъ съ самобытнаго хода его развитія и скорѣй столкнуть его въ пропасть съ міровой арены. Въ исторіи Россіи мы выдимъ, какъ геніальный человѣкъ, Петръ Великій, желая, чтобы народъ сдѣлалъ скачекъ впередъ и догналъ Европу, сломалъ основныя устои самобытной жизни русскаго народа, дернулъ подъ уздцы, какъ коня, русскій народъ и бросилъ его впередъ. Чувство инстинктивнаго самосохраненія остановило движеніе, которое далъ русскому народу Петръ Великій. Конечно, онъ могъ до извѣстной степени сократить жизнь народа, но повліять окончательно на его упадокъ, или

на его дальнѣйшее развитіе въ томъ духѣ, какъ онъ желалъ, даже такой гигантъ, какъ Петръ Великій, не могъ.

Народъ съ опредѣлившимся укладомъ духовнаго міросозерцанія и воззрѣнія всегда оправится отъ того удара, который даетъ ему сильная личность, вліяющая на ходъ историческихъ событій въ его жизни. Онъ можетъ вернуться въ родное русло своей исторіи, своего историческаго развитія инстинктомъ самосохраненія.

Наоборотъ, личность не можетъ заставить народъ перескочить рядъ этаповъ своего историческаго развитія, она не можетъ провести его изъ дѣтскаго возраста въ пору преждевременнаго мужества, въ пору старости и можетъ быть смерти. Чѣмъ старше народъ, тѣмъ больше накопляется у него опыта жизни и тѣмъ меньше можетъ играть роль въ его судьбѣ личность. Фатумъ, рокъ, вотъ что движетъ жизнью народа.

Одинъ древній философъ говорилъ, что отцомъ всего является война. Если на зарѣ жизни судьба народа складывается подъ вліяніемъ личностей, какъ въ жизни народовъ, какъ борьба родовъ, клановъ или князей, то дальше, когда уже идетъ столкновеніе націй и расъ, личность почти не можетъ оказывать вліянія на народъ и движеніе его

жизни лежитъ внѣ вліянія личности. Она можетъ быть лишь слабымъ регуляторомъ событій. Ее могутъ вытолкнуть впередъ и сказать: веди насъ такъ, какъ мы того желаемъ, какъ того требуетъ народный инстинктъ въ дѣлѣ самобытнаго своего развитія. Но вести по указанному пути не значитъ еще начертывать новые и сталкивать съ путей, по которымъ должно идти развитіе народа.

Вотъ почему въ переживаемой нами борьбѣ народовъ не на животъ, а на смерть, за свое историческое существованіе, она не можетъ быть закончена по волѣ отдѣльныхъ лицъ преждевременнымъ миромъ. Миръ будетъ кратким перемиріемъ, лихорадочнымъ собираніемъ новыхъ силъ для борьбы за священные завѣты тѣхъ народовъ, которые борятся сейчасъ между собой. Не можетъ быть пощады ни съ одной стороны, ни съ другой, потому что стихія идетъ противъ стихіи, тевтонскій міръ идетъ противъ славянскаго міра, англійскій міръ противъ тевтонскаго міра и ничего другого не можетъ быть кромѣ пораженія, уничтоженія и духовной смерти одного изъ этихъ міровъ, и не личности, какой бы волевой она ни была, какъ бы она ни могла вліять на судьбу народа, предотвратить тотъ путь,

по которому идутъ народы стихійной, изъ чувства самосохраненія, борясь между собой за право своего существованія.

Поэтому, господа, идея пацифизма и арбитража есть сладкая химера слабыхъ, а сильные духомъ никогда на это не пойдутъ. Война ужасна, безспорно, но она очищаетъ духъ народа, она облагораживаетъ его, обновляетъ его формы, поднимаетъ его на новую высоту изъ тины будней.

Но читая все то, что проходитъ передъ нашими глазами, а въ особенности если мы дадимъ себѣ трудъ вникнуть въ литературу Запада, составить себѣ представленіе о томъ, въ силу чего же началась эта борьба, мы, русскіе люди поняли бы одно: что мы стоимъ какъ будто въ сторонѣ, что мы какъ будто приглашены сюда какъ что то третье, какъ что то придаточное, какъ какая то пристяжка для борьбы съ тевтонскимъ міромъ, что здѣсь разыгрывается борьба между англо-саксами и тевтонами, что здѣсь борятся двѣ націи за идею мірового господства, а мы, Россія, одна изъ величайшихъ державъ міра не можемъ въ этой борьбѣ играть самостоятельную роль и удѣлъ нашъ—удѣлъ второстепеннаго государства.

Такое мнѣніе несомнѣнно вынесъ бы

каждый, кто пожелалъ бы обратиться къ изученію англійской и германской литературы по этому вопросу. Причемъ же тогда мы, выносящіе всю тяжесть? причемъ тутъ французы? игрушка ли мы просто въ рукахъ Англіи, или участники борьбы въ силу исторической необходимости?

Дабы понять нашу роль нужно подробно прослѣдить англо-германскія отношенія подъ угломъ англійской и германской точекъ зрѣнія и выяснить гдѣ и въ чемъ антагонизмъ между ними. Повторяю—вся Германская литература послѣднихъ 25 лѣтъ, можетъ быть и больше того, по вопросу о войнѣ, была направлена на изученіе германо-англійскихъ отношеній и причинъ германской и англійской вражды. Мы поймемъ, что это первая война, въ которой при побѣдѣ мы не будемъ вытаскивать каштаны изъ огня для 'другихъ, что быть можетъ впервые за все долгое существованіе Россіи, которая иногда воевала съ союзниками, а когда дѣло доходило до дѣлежа, то она обдѣлялась, мы поймемъ, что въ конечномъ результатѣ войны мы получимъ то, что должны получить въ силу проявленной доблести и участія, которое мы приняли въ событіяхъ переживаемыхъ дней. Да, наша политика въ этой войнѣ, это

судьба о которой говорилъ Наполеонъ, что она руководитъ жизнью народовъ. Этого взгляда держались величайшіе историки древняго міра и среднихъ вѣковъ. Судьба, вытекающая изъ исторической необходимости для народа, изъ запросовъ его жизни, быть или не быть. И воевать въ это время мы не могли, ибо если бы мы не приняли участіе въ этой борьбѣ, то въ ближайшемъ будущемъ стихія, которая направилась бы съ Запада, могла бы смыть и уничтожить насъ до основанія.

Я хочу обратить ваше вниманіе на литературные труды Германіи и Англіи, которые характеризуютъ взаимныя отношенія этихъ двухъ государствъ, ибо только при этихъ двухъ условіяхъ мы можемъ составить себѣ правильное представленіе о задачахъ Россіи и о томъ, какая судьба постигла бы Россію, если бы въ конечномъ результатѣ мы въ союзѣ съ другими народами не одержали на поляхъ брани побѣды. Мы должны, чтобы понять событія, вопрошать судьбу, какъ древній Аяксъ спрашивалъ подъ Троей. Мы должны молиться, чтобы былъ скорѣе свѣтъ, чтобы скорѣе наступилъ день, чтобы мы могли видѣть лицо своего врага; лицо не физическое, а духовное, ибо только тогда, когда мы увидимъ духовное

лицо его, чего добивался въ древности Аяксъ, мы можемъ понять къ чему онъ стремился и чего бы сталъ требовать и домогаться въ минуту побѣды.

Въ Германіи за послѣдніе годы передъ войной появилась громадная литература посвященная вопросу о войнѣ и о подготовкѣ къ ней. Книги: „Германія и будущая война“, знаменитаго профессора Генриха фонъ Трейчке, „Германская исторія“, историки Дельбрюкъ, Шмоллеръ, Дройзенъ, Момзенъ все это воспитатели нѣмецкаго народа въ духѣ ненависти къ Англіи и къ англійскому вліянію, силѣ и власти.

Въ Россіи народъ не воспитывается въ политическомъ смыслѣ любви или ненависти къ другимъ народамъ. Культурная жизнь у насъ не настолько развита чтобы серьезное сочиненіе серьезнаго профессора могло оказать вліяніе на умы не только народа, но даже лучшихъ представителей этого народа, на интеллигенцію въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Россія еще до этого не доросла, въ Англіи на это обращали мало вниманія, но въ Германіи произведенія выше названныхъ мной историковъ имѣли и имѣютъ колоссальное вліяніе на то, какъ слагалось и сложилось міросозерцаніе германскаго народа. Этимъ историкамъ Германія

въ значительной степени, если не совсѣмъ, обязана тѣмъ настроеніемъ, которое было въ ней передъ войной и тому, что она съ такимъ энтузіазмомъ, жаромъ и страстностью взялась за войну.

Историческіе труды создали въ былое время въ Германіи знаменитый Тугендбундъ. Труды Арндта и Штейна подготовили возстаніе противъ Наполеона. Стоитъ изучить исторію Дройзена и французскую революцію Зибеля, какъ сейчасъ исторію Генриха фонъ Трейчке, чтобы понять исторію войнъ, которыя вела Германія въ 70-хъ годахъ и теперь въ 1914 —1916 году.

Мы боремся, движимые инстинктомъ народнаго самосохраненія, какъ въ 1905 году, когда народъ отшатнулся отъ революціи, потому что она не захватила его глубинъ, и этого не поняли тѣ, которые вели его на революціонный путь. Народъ видѣлъ, что это не есть истинные защитники его интересовъ. Такъ и сейчасъ. Война съ Германіей, какъ мы видимъ, сплотила всѣ классы, сплотила представителей всѣхъ фракцій, партій и направленій въ Россіи, что является результатомъ не литературныхъ трудовъ, не профессорскихъ лекцій, не ученыхъ книгъ, а здороваго народнаго инстинкта національнаго самосохраненія, которое заставило за-

быть внутреннія распри и раздоры, дѣленіе на правыхъ и лѣвыхъ, соціалъ-демократовъ, крайнихъ правыхъ и другихъ. Всѣ вмѣстѣ сжавши кулакъ рѣшили бить упорнаго врага.

Но это у насъ. Тамъ, этого нѣтъ. Тамъ все создалось книгой, ученымъ трудомъ, все было подготовлено, въ цѣляхъ проведенія имперіалистическихъ тенденцій германскихъ высшихъ и правящихъ классовъ. Все было подготовлено учеными трудами выдающихся корифеевъ ума и слова. Основнымъ, исходящимъ положеніемъ нѣмецкой исторической мысли во всѣхъ этихъ трудахъ, толкающихъ нѣмцевъ, было—война. Война для нѣмца за послѣдніе 15, 20 лѣтъ была, какъ они говорятъ, біологической необходимостью, т. е. нѣмецъ безъ войны существовать не можетъ, ибо ему стало тѣсно въ своихъ предѣлахъ и онъ желалъ расширенія за счетъ своихъ сосѣдей.

Если мы прослѣдимъ труды этихъ историковъ, то увидимъ, что въ нихъ проводится мысль, что нѣмцы больше способны на задачи имперо-строительства, чѣмъ англичане. Единственной задачей всѣхъ этихъ профессоровъ послѣдніе 15—20 лѣтъ было—бить по сознанію нѣмца, что Англія завладѣла міромъ, не имѣя на это права и что имперо-строительство, имперскіе идеалы

должны принадлежать германскому народу. Германія, говорили о ней, имѣетъ на это право по своей прошлой исторіи. Какое же оправданіе войны съ Англіей? Война съ Франціей имѣла оправданіе, что она была дѣломъ великаго отомщенія, а въ отношеніи Англіи говорили, что она мѣшаетъ германскому государству осуществлять свои задачи, что Англія играетъ роль въ судьбахъ міра несоотвѣтствующую ни ея духовнымъ силамъ, ни матеріальнымъ, ни ея торгашескому характеру.

Среди всѣхъ этихъ корифеевъ науки и ума наиболѣе сильное вліяніе на подростающую германскую молодежь за послѣдніе 25 лѣтъ имѣлъ, какъ я указывалъ, профессоръ Г. фонъ Трейчке. „Англія, — говорилъ онъ,—пиратское государство, захватившее одну пятую міра путемъ пиратства. Гдѣ ея права на это, и въ чемъ духовное оправданіе ея владычества?“

Сначала, въ своихъ желаніяхъ урѣзать Англію, парализовать ея развитіе, парализовать вліяніе, нѣмцы лелѣяли ту же мысль, которую лелѣялъ въ 1808 и въ 1812 году Наполеонъ. Они мечтали о захватѣ Англіи, но эти времена давно прошли. Это были времена, когда цѣли Германіи были въ этомъ отношеніи узки. Это были времена Мольтке,

Бисмарка и Мантейфеля. Времена эти прошли и путемъ эволюціи нѣмецкіе аппетиты стали все болѣе и болѣе расширяться; и наканунѣ войны, нѣмцы поднимаютъ вопросъ о томъ, что если германцы древняго времени уничтожили Римскую имперію, и потому въ царствованіе Карла Великаго и Оттонидовъ осуществили мечту, Аларіха создавь на развалинахъ міра новое государство, то въ 20-мъ вѣкѣ при Гогенцолернахъ долженъ осуществиться новый германскій имперіалистическій идеалъ — разрушеніе Рима или Карѳагена, каковымъ они считаютъ Англію.

Какъ мы увидимъ далѣе, они полагаютъ возможнымъ захватить насъ другимъ путемъ, путемъ мирнаго завоеванія. Я долженъ сказать, что если бы эта война не была сейчасъ, а черезъ какіе нибудь 50 лѣтъ, то вести ее было бы неизмѣримо труднѣе, ибо мирнымъ завоеваніемъ нѣмцы въ Россіи сдѣлали больше, чѣмъ другія государства, объявлявшіе и ведшіе войны путемъ территоріальнаго захвата.

Нѣмецкіе профессора, подготовлявшіе нѣмецкое мнѣніе, дѣлили отношенія между Англіей и Германіей на 4 этапа.

Позвольте сослаться на трудъ профессора Крэмба, который раздѣляетъ эти пе-

ріоды такъ: 1) періодъ Фридриха Великаго, 2) періодъ Наполеона, 3) Средина XIX вѣка и 4) конецъ XIX вѣка. Характернымъ для развитія нѣмецкихъ аппетитовъ является то, что нѣмцы никогда не добивались всего сразу. Они стремились двигаться постепенно, медленно, но вѣрно. Когда Фридриху Великому Винтерфельдтъ предлагалъ имперію, онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, это было бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ для меня". Въ теченіе всей жизни, воюя на всѣ концы, и въ концѣ концовъ сохранивъ государственную власть почти въ неприкосновенномъ видѣ, Фридрихъ Великій могъ бы принять корону и стать императоромъ, но онъ отказывается, онъ боится тяжелаго бремени, Но уже Бисмаркъ послѣ Садовой и Меца, послѣ Седана стоитъ за имперію, но умѣренную. Когда ему предлагали обширные размѣры этой имперіи, указывали на богатыя перспективы, которыя открываются для Германіи, то онъ сказалъ: „нѣтъ, я этого не хочу, это придетъ со временемъ, сейчасъ мы удовольствуемся немногимъ, я хочу остаться въ роли честнаго маклера."

Какого слѣдующаго этапа, какой имперіи, какого наслѣдія хотятъ нѣмцы сейчасъ при Гогенцоллернахъ? Они хотятъ воинственнаго наслѣдія Оттонидовъ, Гогенштау-

феновъ среднихъ вѣковъ. Отъ Россіи они хотятъ сохранить нѣкоторыя ея части, теперь захваченныя, но прежде всего, и больше всего они хотятъ уничтожить Англію, ибо Англія мѣшаетъ идеѣ имперостроительства, тому имперіализму, который обуялъ величайшаго наглеца и величайшаго лжеца, не дипломата, а коварнѣйшаго человѣка, какихъ за сто лѣтъ не зналъ міръ, Вильгельма—императора германскаго. „Теперь, или никогда—говорятъ нѣмцы, вооружаясь въ теченіе пятидесяти лѣтъ,—владѣніе надъ цѣлымъ міромъ, или уничтоженіе". Фонъ Трейчке говоритъ: „въ человѣкѣ заключается сила, человѣкъ даннаго момента, когда мы достаточно готовы, можетъ это совершить, на нѣмцахъ лежитъ залогъ—либо побѣды, либо пораженія".

Вотъ тѣ доводы, которые въ защиту своихъ аппетитовъ, возрастающихъ съ каждымъ днемъ, приводятъ нѣмцы. Англія —говорятъ они, (Момзенъ и фонъ Трейчке) пиратское государство безъ государственной мощи, безъ силы въ глазахъ нѣмецкихъ культуръ-имперіалистовъ. Подъ вліяніемъ идей Курціуса, Момзена и философовъ Дана и Нитце мысль о томъ, что Англія является государствомъ, не имѣющимъ права на владѣніе всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она владѣетъ

просачивается все глубже и глубже, съ университетской каѳедры въ германскую молодежь. „Англія не нація „Кшатріевъ“ (героевъ), а нація „Вайсіевъ“, т. е. нація лавочниковъ . . .»

Такъ они говорили до войны, не учитывая того, что произошло. Общественное движеніе исчезло, суфражистки скрылись, онѣ пошли на заводы и фабрики помогать побѣдѣ своего народа. Обвинительный актъ нѣмцевъ во всѣхъ произведеніяхъ, во всѣхъ историческихъ трудахъ проникнутъ одной идеей—моральнаго презрѣнія ко всѣмъ. Профессоръ Крэмбъ, изучающій самъ настроеніе англійскаго и германскаго народа говоритъ:—„Англія слаба—говорятъ нѣмцы, ибо она настаиваетъ на идеяхъ разоруженія, на идеяхъ пацифизма. Почему бы Бельгіи и Парагваю не предложить Германіи того же? Какъ Венеція стала падать послѣ 1500 г. и умерла отъ старческой немощи, отъ прикосновенія Наполеоновской сабли. такъ и Англія должна умереть отъ нѣмцевъ. Англія, представляющая собой одну мистификацію, не можетъ существовать вѣчно. Англія дутое государство и Германія, добиваясь имперіализма увлекается историческими аналогіями, ей хочется воскресить картины далекаго историческаго германскаго прош-

лаго. Въ Англіи она видитъ Карфагенъ и Венецію, Подъ вліяніемъ трудовъ корифеевъ науки Зибеля, Трейчке и друг. она видитъ себя ея замѣстителемъ, а Вильгельма перстомъ Божіимъ, который долженъ карать непослушныхъ и захватить гегемонію надъ міромъ.

„Чѣмъ же отвѣчаетъ на все это Англія? спрашиваетъ профессоръ Крмэбъ. Неужели Англія не видитъ, или не хочетъ видѣть того движенія, которое происходило и происходитъ въ Германіи? Нѣтъ, къ сожалѣнію, говоритъ онъ, мы спимъ".

И дѣйствительно они проспали. „На воинственные выкрики, на бряцаніе шпагой и сверканіе меча мы отвѣчаемъ просьбой о разоруженіи, отвѣчаемъ идеями пацифизма, протестами противъ выступленія одного изъ видныхъ дѣятелей—маркиза Сольсбери, а также лорда Робертса о необходимости имѣть постоянную армію. Навстрѣчу нашимъ пацифическимъ выкрикамъ несутся изъ Германіи другіе крики и другіе лозунги." Крэмбъ восклицаетъ: „Снова я слышу топотъ великой рати, она двигается на насъ, зальетъ насъ, это рать среднихъ вѣковъ, рать Алариха.

Судьба великихъ прозорливцевъ, какимъ былъ Сольсбери, бываетъ очень жалкой. Лордъ

Сольсбери былъ послѣднимъ могиканомъ изъ рати великихъ политическихъ людей Англіи, вродѣ Страффорда, Соммерса и другихъ. Сольсбери былъ великимъ провидцемъ; онъ предвидѣлъ то настроеніе, которое наростало въ Германіи съ каждымъ днемъ, и которое грозило ей катастрофой, тѣмъ Дамокловымъ мечомъ, который еще сейчасъ виситъ надъ нею. Но что хуже всего для провидца, это, если сердце его народа отъ него отвращено, если то, что видитъ изысканный тонкій умъ политическихъ дѣятелей, не видятъ передовые борцы его народа. Невольно вспоминаются слова древняго прорицателя Тирезія: „О мудрость, какъ ужасно обладать тобой мудрецу, когда она ему пользы принести не можетъ!“

Какъ часто лордъ Сольсбери и лордъ Робертсъ, а также и другіе выдающіеся англійскіе дѣятели приглашали англичанъ имѣть постоянное войско. Естественное отвращеніе къ сухопутнымъ силамъ дѣлало то, что голоса ихъ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Невольно вспоминаются страницы исторіи другого великаго народа; другой, великій человѣкъ, Демосфенъ, чувствуя, что близокъ часъ паденія родного города, обращаясь къ афинянамъ говорилъ: „Однако, о афиняне, есть еще время,

существуетъ лишь одинъ способъ, коимъ вы можете достичь своего прежняго величія, или умереть достойно вашего прошлаго; это, афиняне, еще въ вашей власти; перестаньте не имѣть своихъ солдатъ, пойдите сами, пусть каждый изъ васъ станетъ въ ряды и либо васъ ждетъ побѣда, превосходящая по славѣ всѣ прошлыя побѣды, либо вы погибнете въ величіи достойномъ вашихъ предковъ.»

То же можно сказать и про Англію, то же говорилъ и Сольсбери. Какъ въ прежнія времена Тацитъ и Катонъ оставались неуслышанными, къ ихъ голосамъ не прислушивались народныя уши, они были глухи; и лишь въ минуты тяжелой опасности, когда человѣкъ ради спасенія хватается за все, тогда съ сожалѣніемъ и скорьбю создаютъ то, что должны были создать раньше, въ предвидѣніи событій.

Какъ вы видите, сейчасъ въ Англіи вопросъ о постоянной арміи налаженъ и она у нихъ будетъ, но не поздно ли?

„Да, говоритъ Крэмбъ,—Англія, которая такъ близка отъ Германіи въ смыслѣ разстоянія, требуетъ болѣе 50 лѣтъ для того, чтобы мысль, которая развивается въ Германіи и становится достояніемъ германскаго народа отъ низа до верха, проникла на англійскую

территорію и была всосана въ мозги англійскаго народа. 50 лѣтъ нужно, чтобы изучить многое, что сейчасъ волнуетъ Германію и что прямо касается Англіи". Въ силу ли высокомѣрія англійскаго народа, въ силу ли презрѣнія его къ другимъ народамъ и нежеланія считаться съ ними, англичане туги на ухо въ то время, когда они должны были прислушиваться. Мы видимъ, что въ отвѣтъ на выкрики о вооруженіи, въ отвѣтъ на цѣлую школу выдающихся корифеевъ германскаго ума, которые трактовали объ отношеніяхъ къ Англіи, и которые воспитывали народъ отъ маленькихъ дѣтей до взрослыхъ, въ духѣ ненависти къ Англіи, подготовляя событія, англичане ухватывались, какъ уставшая нація, за каждую идею мира.

„Стыдно, говоритъ Крэмбъ, что въ тотъ часъ, когда Тирпицъ, морской министръ Германіи указалъ на возможность временнаго сокращенія кредитовъ на постройку дредноутовъ, какъ точно по нажиму англичане ухватились за эту мысль и принялись проводить ее". Они жестоко обманулись, потому что Германія сократила ассигнованіе на флотъ только для того, чтобъ одновременно ассигновать 52 мил. фун. стерл., болѣе 520 мил. руб. на увеличеніе сухопутной арміи. Вопросы пацифизма, такъ широко

распространившіеся въ Англіи не находили себѣ отвѣта въ Германіи и на всѣ пацифическіе выкрики Германія отвѣчала увеличеніемъ своихъ вооруженій. Пацифизмъ никогда не былъ удѣломъ Германіи, съ нимъ она никогда не считалась. „Тотъ человѣкъ глупъ, говорилъ Фридрихъ Великій, и та нація глупа, которая, имѣя власть захватить врага врасплохъ, не сдѣлала этого и не нанесла ему смертельнаго удара, хотя бы изъ за угла".

Той же политики держался Фридрихъ Вильгельмъ Третій, той же политики держался въ 19 вѣкѣ Вильгельмъ Первый, той же политики держится и Вильгельмъ Второй. На пацифическіе выкрики Англіи въ 1907 году, на воззваніе президента Тафта въ 1911 году, раздались слова въ рейхстагѣ: „Жизненная сила націи является единственнымъ мѣриломъ ея вооруженій".

Мы должны признаться, что Англія проспала тѣ моменты, которыя она проспать не должна была, какъ государство, до послѣдняго времени отличавшееся поразительной прозорливостью. „Идеалъ пацифизма, говоритъ съ горечью профессоръ Крэмбъ, упрекая своихъ соплеменниковъ, такъ прекрасенъ, что даже нельзя возмущаться эксцентричностью или глупостью его защит-

слову сказать, славянинъ по происхожденію. никовъ. Въ 17 вѣкѣ о немъ трактовали во имя религіи, въ 18-мъ во имя человѣчества, въ 19-омъ во имя торговли, промышленности и прогресса рабочихъ классовъ. Пацифизмъ — утопія. Война — основа Римской исторіи, и она колебель жизни народовъ. Война измѣнила лишь форму, но какъ была, такъ, и осталась суровой дисциплиной человѣчества. Нѣтъ войнъ племенныхъ, набѣговъ, плановь, они исчезли, нѣтъ войнъ народовъ, нѣтъ войнъ религіозныхъ, но религія перестала быть преобладающей силой въ жизни человѣчества. Война осталась верховнымъ актомъ, государственная сущность ея та же, — форма другая.

И вотъ мы являемся свидѣтелями этой великой міровой войны за идею мірового владычества. Таковы вообще войны Англіи съ Голландіей, съ Франціей и сейчасъ съ Германіей. Цѣлый рядъ англійскихъ профессоровъ—Крэмбъ, Сароли и др.— указываютъ на то, что ко всѣмъ тѣмъ войнамъ Англія готовилась заблаговременно, а къ этой войнѣ стала готовиться только во время самой войны. „Теперь, когда старая Англія сыта, говорятъ въ Германіи, Англія не хочетъ войны, она пропагандируетъ идею пацифизма, она забрала все, что можно

было забрать въ мірѣ; но мы, молодая нація, желаемъ мірового владычества, желаемъ отобрать отъ Англіи то, что со временемъ должно отъ нея отпасть какъ зрѣлый плодъ„.

Дѣйствительно стоитъ вникнуть въ литературу современной Германіи до войны, и параллельно привести ту литературу, которая была въ той же области въ Россіи и въ Англіи, то вы увидите, что въ то время какъ въ Англіи выпускалось въ годъ до 20 книгъ, трактовавшихъ о войнѣ и предуказывавшихъ пути, по которымъ можетъ въ дальнѣйшемъ идти исторія англійскаго народа, въ то время какъ въ Россіи и того меньше интересовались этимъ вопросомъ, въ Германіи выходило до 700 произведеній печати, которыя расходились въ бѣшеномъ количествѣ экземпляровъ, и которыя трактовали о войнѣ на фронтахъ восточномъ, западномъ и англійскомъ. „Военная сила націи есть точный коэффиціентъ. идеализма націй,—говоритъ профессоръ Трейчке, Исторія Германіи есть лучшій отвѣтъ на пацифическіе выкрики Англіи“.

Я особенно напираю на труды Трейчке, потому что не было быть можетъ ни въ Германіи ни въ Англіи ума, который бы оказывалъ такое потрясающее вліяніе на психологію народныхъ массъ, чѣмъ Трейчке, къ

Германія стремится побѣдить насъ путемъ ассимиляціи, считая насъ удобреніемъ; она думаетъ что изъ сочетанія нѣмца съ русскимъ выйдетъ настоящій нѣмецъ. И, къ стыду славянъ, долженъ сказать, что цѣлый рядъ онѣмеченныхъ славянъ стали выдающимися нѣмецкими націоналистами, и въ томъ числѣ однимъ изъ главныхъ виновниковъ ненависти къ намъ и къ англичанамъ, проявившейся въ этой войнѣ, является историкъ проф. Генрихъ фонъ Трейчке. 17 томовъ его сочиненій не были извѣстны Англіи до послѣднихъ лѣтъ, 17 томовъ произведеній, гдѣ на каждой страницѣ говорилось о ненависти къ Англіи, о необходимости войны съ Англіей, разбирались условія войны съ Англіей и говорилось о томъ, какъ можно ее побѣдить. Если мы разберемся въ его трудѣ, я всего труда его не видѣлъ, а знакомъ только съ отдѣльными его частями, то мы поймемъ, что не смотря на всю незначительность его труда, на то, что онъ обнимаетъ всего только 33 года существованія Германіи: отъ періода германской конфедераціи и образованія Имперіи до 1848 года, принципы его стали истинными догматами для германскаго народа.

Спросите о немъ дѣтей школьнаго возра-

ста, и каждый изъ нихъ отвѣтитъ: „это нашъ великій національный историкъ“. Онъ воспиталъ нѣмцевъ въ духѣ ненависти преимущественно къ англичанамъ, и красной нитью черезъ всѣ его произведенія проходитъ идея: война, война, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, тѣмъ успѣшнѣй. „Его книга,—говоритъ проф. Крэмбъ,—могла бы быть названа основой современной Германіи“. Взгляды Трейчке на военную славу въ день расчета съ Англіей, составляютъ сущность его вліянія на Германію. Главный его мотивъ—величіе Пруссіи, слава ея арміи, представляющей собой націю, а нація представляетъ собой армію, Пруссія съ Гогенцоллернами должна стать во главѣ Германіи и всѣхъ нѣмцевъ, а Германія одна должна управлять всѣмъ міромъ.

Онъ вдалбливаетъ это на каждой страницѣ своихъ произведеній въ германскіе умы. Ненависть къ намъ, ненависть къ Англіи, но главнымъ образомъ, война эта зиждется, по его мнѣнію, на борьбѣ за имперіализмъ между Англіей и Германіей. По мнѣнію нѣмецкихъ профессоровъ ненависть къ Англіи существовала давно, еще въ такъ называемой Гейдельбергской школѣ въ лицѣ Шлоссера и Хёсчера.

Но у Трейчке эта ненависть достигла

апогея, того, что онъ не признаетъ Англію послѣ Кромвеля и Мильтона и говоритъ что Англія, какъ великое государство существовать перестала. Причина ненависти по его мнѣнію, кроется въ томъ, что Англія никогда не проститъ Германіи ея силы. Какъ Бисмаркъ въ 70 году говорилъ, что Франція никогда не проститъ намъ нашихъ побѣдъ и потому должна быть парализована, такъ говоритъ Трейчке—Англія всегда была врагомъ Пруссіи и при томъ предательскимъ. «Наконецъ, — говоритъ онъ, — міровое значеніе ея не соотвѣтствуетъ ея подлинной силѣ, ни внутренней ея цѣнности. Съ умственной и съ политической точки зрѣнія Англія сплошной обманъ: она создалась не геніемъ, не храбростью, не системой управленія, какъ въ былое время создалась Венеція, а случайностью своего островного положенія и безопасностью по отношенію къ другимъ государствамъ, которыя просмотрѣли ея развитіе. Создалась лицемѣрная нація, двуличность ея государственныхъ людей".

Какъ Гейне и Ницше, нѣмцы не признаютъ достоинствъ Англіи и указываютъ на то, что чѣмъ скорѣй Англія будетъ разрушена тѣмъ скорѣй Германія достигнетъ имперіалистическихъ идеаловъ. Трейчке видитъ

Германію не временъ Шиллера, Гете. Гегеля и Канта, онъ видитъ ее такой. какой хочетъ видѣть ее сейчасъ германскій народъ имъ воспитанный —Германію освободительной войны возрожденія, и Пруссію колыбелью имперіалистическихъ задачъ.

„Въ тотъ моментъ,—говоритъ Трейчке,—когда Имперія перестанетъ двигаться на Востокъ противъ Россіи, это будетъ моментомъ упадка Германіи и до этого упадка мы довести ее не можемъ. Владычество надъ всѣмъ міромъ въ этотъ роковой часъ, или полное уничтоженіе; конечно, уничтоженія мы не хотимъ, а поэтому должны вести борьбу за имперіалистическое вліяніе".

Идеи Наполеона, стремленіе захватить весь міръ сказываются не только въ трудахъ Трейчке, но и въ трудахъ цѣлаго ряда эпигоновъ, болѣе мелкихъ профессоровъ, которые все болѣе и болѣе всасывали идеи Трейчке въ умы германскаго народа. Въ трудахъ германскихъ профессоровъ, касающихся Германіи VII вѣка, въ Германіи X вѣка Оттонидовъ, Гогенштауфеновъ XII вѣка Габсбурговъ, систематически проводились эти же самыя имперіалистическія тенденціи. Долженъ отмѣтить слѣдующій фактъ: Въ то время, какъ германскій имперіализмъ въ прошломъ достигалъ своего апогея въ лицѣ

перечисленныхъ династій и лицъ, народы, которыхъ онъ касался, падали все ниже и ниже въ культурномъ отношеніи и теряли постепенно свою самобытность и свою національность.

Трейчке и цѣлая школа писателей, которые шли за нимъ, не хотѣли признавать имперіалистическаго развитія Германіи въ прошломъ. Они считаютъ, что въ прошломъ его не было, что имперіализмъ Германіи долженъ начинаться только въ настоящее время подъ главенствомъ Пруссіи, и подъ Гогенцолернами, которые стоятъ во главѣ Пруссіи. Онъ хочетъ не одного матеріальнаго господства Германіи, но и господства германскаго духа, господства Имперіи и единственный способъ достичь этого онъ видитъ въ уничтоженіи Англіи.

Коснувшись этого, обрисовавъ задачи германскаго имперіализма и указавъ куда стремится Германія въ настоящее время, я перейду къ англійскимъ профессорамъ послѣднихъ годовъ, обратившихъ вниманіе на идеи, развивавшіяся въ Германіи, которыя хотѣли указать Англіи на дѣйствительныя цѣли германскаго имперіализма. Долженъ отмѣтить удивительную вещь, что они не нападаютъ, они, къ сожалѣнію, только защищаются. Они не указываютъ, что англичане

имѣютъ право владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣютъ въ силу первенства своей націи надъ Германіей, надъ тевтонами. Они защищаются и указываютъ только почему Англія имѣетъ то, что она имѣетъ. Они говорятъ, что величіе Англіи создала миссія, которая лежала на Римѣ. Я позволю себѣ привести вамъ слова Крэмба.

„Одни, говоритъ онъ, радуются тому, что они выдѣлываютъ монеты, другимъ нравится, что они владѣютъ рѣзцомъ скульптора, и могутъ писать чудныя картины, третьи интересуются третьимъ, а твой удѣлъ, Римъ—это управлять; никогда не уклоняйся отъ своего предназначенія щадить покорившихся и покорять надменныхъ". Задачи Англіи, говоритъ Крэмбъ,—ея великая историческая миссія въ прошломъ—было управлять народами. Англія должна была давать всѣмъ живущимъ подъ властью Имперіи англійское міровоззрѣніе и англійскую свободу. Ея міровоззрѣнія должны были прививаться тѣмъ народамъ, которые находились подъ ея властью. Такая идея особенно сильно стала проникать въ умы Англіи со временъ Кромвеля, но послѣ того, какъ Англія завладѣла большими частями міра, она насытилась своими территоріальными пріобрѣтеніями, она устала, перестала бо-

роться, перестала добиваться своего расширенія и этимъ отдыхомъ, этимъ нежеланіемъ ея идти дальше по пути развитія, по которому шла до настоящаго времени и пользуется Германія, желая вырвать у нея то, что она пріобрѣла. Въ настоящее время, — указываетъ Крэмбъ, — Англія, какъ древняя Византія XIII вѣка стала въ своемъ чванствѣ. Англія была сильна раньше, но теперь она ослабѣла, а между тѣмъ все ближе и ближе тотъ жестокій, печальный часъ, который неминуемо грозитъ Англіи, часъ расплаты, когда путемъ оружія, путемъ меча должны будутъ столкнуться Англія съ Германіей и одолѣетъ тотъ народъ, который сильнѣе духомъ, и который больше вѣритъ въ свое свѣтлое будущее. „Проснитесь, — обращается Крэмбъ къ англичанамъ, — обратите вниманіе на тотъ духовный маразмъ, который охватилъ васъ въ послѣднее время, посмотрите, какъ бурно бьется въ Германіи общественная жизнь, какъ германская философская и научная мысль, подготовляя и вдохновляя подростающее поколѣніе одно за другимъ, воспитываетъ ихъ въ воинственномъ духѣ. Неужели наступитъ тотъ часъ, когда мы должны будемъ попрощаться съ своимъ славнымъ историческимъ прошлымъ?

Англичане, перестаньте быть слѣпыми, вспомните, что говорили Сольсбери и Робертсъ—перестаньте не имѣть своихъ солдатъ, идите сражаться сами и вѣрьте, что въ тотъ моментъ, когда вы это сдѣлаете, когда вы будете воодушевлены одной идеей вы выйдете побѣдителями".

Но Англія, увы, до послѣдняго времени спала и очнулась только въ тотъ моментъ, когда уже разыгрались событія. Мы видимъ сейчасъ какъ Англіи впервые пришлось за всю свою міровую исторію отказаться отъ традиціонной своей политики въ борьбѣ континентальныхъ народовъ между собой. Она, которая принимала всегда самое слабое участіе, регулируя событія и помогая отчасти только тому союзнику, побѣду коему она желала до извѣстной степени. Сейчасъ же опоздавши съ своимъ вооруженіемъ, не имѣя возможности своевременно принять мѣръ, чтобы парализовать развитіе германскихъ силъ, не сухопутныхъ, а морскихъ, что для нея опаснѣе всего, сейчасъ очертя голову она готова отдать свое послѣднее достояніе, всѣ средства, имѣющіяся въ наличности, чтобы парализовать развивающіеся германскіе аппетиты, сократить Германію, сокрушить ее, нисколько не думая о послѣдствіяхъ.

До настоящаго времени, ведя свои войны, Англія всегда учитывала каждое событіе и видѣла, что должно было произойти изъ этой войны; но теперь, бывшая въ пространціи до начала войны, не принимавшая участія въ вооруженіи народныхъ силъ, которое должна была принимать, проспавшая нѣмецкое общественное движеніе, не знакомая съ ходомъ исторической мысли и воспитанія въ духѣ ненависти къ себѣ германскаго народа, Англія въ этой борьбѣ главнымъ образомъ полагается на своихъ союзниковъ и въ томъ числѣ на Россію. Впервые, за всю свою исторію она отступила отъ традиціи своихъ войнъ, и впервые, ни о чемъ не думая, отдала и отдаетъ за грядущія событія всѣ матеріальныя и духовныя свои силы на помощь своимъ союзникамъ.

Кто же, господа, былъ виновникомъ того, что страна, обладающая наиболѣе прозорливой дипломатіей въ мірѣ, страна которая была классической страной въ искусствѣ вести переговоры, классической страной, устраивавшей свои собственныя дѣла, страна, которая не имѣетъ себѣ равной по формаціи государственнаго мнѣнія, которая вполнѣ можетъ быть названа школой государственныхъ людей—кто былъ виновникомъ того,

что Англія проспала величайшее событіе, потрясшее въ настоящее время Европу, оказалась неподготовленной къ тому, чтобы выступить во время открыто, и во всеоружіи бороться и скорѣе побѣдить? Впервые за всю свою длинную исторію старая Англія была убаюкана, введена въ заблужденіе и кѣмъ? Вильгельмомъ Гогенцолерномъ, величайшимъ хитрецомъ, однимъ изъ самыхъ подлыхъ людей, какихъ только можно себѣ представить въ современной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будемъ справедливы, талантливыхъ людей. Онъ провелъ за носъ всю англійскую дипломатію и на глазахъ оторопѣвшей Англіи наросталъ германскій флотъ. Въ тотъ моментъ, когда Англія очнулась, германскій флотъ былъ уже готовъ. Въ прессѣ у насъ выставляютъ Вильгельма главнымъ виновникомъ событій, которыя разыгрываются сейчасъ въ мірѣ. Я повторяю, личность можетъ имѣть только до нѣкоторой степени вліяніе на ходъ историческихъ событій въ жизни народа. Вильгельмъ явился орудіемъ историческихъ судебъ Германіи, орудіемъ, нужно сказать, съ точки зрѣнія своего народа, талантливымъ. Онъ выполняетъ лишь ту волю, которую ему предписываетъ германскій народъ. Вильгельмъ стоитъ впереди

стихіи, которая направилась на западъ и на востокъ съ тѣмъ, чтобы добиться владычества. Что Вильгельмъ обманулъ Англію и обманулъ міръ, въ этомъ можно убѣдиться, прослѣдивши цѣлый рядъ рѣчей, произнесенныхъ имъ за двадцатипятилѣтнее царствованіе. Этихъ рѣчей очень много, изданы они талантливымъ французомъ Жюлемъ Аренъ: „*Вильгельмъ II, что онъ говоритъ и что онъ думаетъ*“. Изъ этой книги, и изъ другихъ сочиненій мнѣ удалось почерпнуть наиболѣе характерныя рѣчи Вильгельма, изъ которыхъ ясно видно, какъ ловокъ, тонокъ и хитеръ этотъ человѣкъ, который всю свою жизнь былъ не то, что онъ есть. Онъ казался простакомъ, откровеннымъ, говорилъ какъ будто бы то, что у него на душѣ, и какъ хитро, какъ ловко онъ вокругъ себя, вокругъ интересовъ Германіи обернулъ англійскую дипломатію и англійскихъ государственныхъ людей новѣйшей формаціи и убаюкалъ англійскую общественную совѣсть!

Для Англіи, вполнѣ понятно, флотъ представляетъ нервъ ея жизни. Нѣкоторые, хотя бы у насъ въ Россіи, возмущались тѣмъ, что Англія безъ конца строитъ суда и увеличиваетъ свой флотъ, но всякому здравомыслящему человѣку, способному не относиться съ предубѣжденіемъ къ извѣст-

нымъ фактамъ, а трезво смотрѣть въ глаза событіямъ, будетъ понятно, что государство островное, какимъ является Англія, не можетъ не имѣть такого флота, который не былъ бы сильнѣе флотовъ всѣхъ предполагаемыхъ ея противниковъ. Ибо завтра, будь у Англіи слабый флотъ, она обречена на голодную смерть. И, вотъ, посмотрите, на нашихъ глазахъ, въ теченіе 25 лѣтъ государство, которое не должно было допустить постройки никакимъ другимъ государствомъ флота, не только что равнаго себѣ, но и приближающагося къ себѣ, это государство было убаюкано и допустило постройку сильнѣйшаго, почти равнаго ей германскаго флота.

Основой рѣчей Вильгельма за все его царствованіе, а изъ рѣчей вытекали дѣла, было — во первыхъ: миръ, миръ, миръ, во—вторыхъ—сильная армія, конечно противъ Россіи, что вызывало симпатію Англіи, потому что Англія, какъ островное государство всегда съ удовольствіемъ наблюдала, какъ увеличивали свои силы два будущихъ противника,—Германія и Россія. Будемъ откровенны: если бы Англія не была слаба до такой степени, то, конечно, ей желательно было бы не только уничтоженіе германскаго флота, но и сильное ослабленіе Россіи,

хотя и ея союзника, ослабленіе, которое не дало бы возможности въ будущемъ, если Россія побѣдитъ Германію, занять ей мѣсто Германіи.

Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди. Въ третьихъ—военный флотъ. Идею необходимости имѣть военный флотъ они оправдывали необходимостью поддержать все развивающійся торговый германскій флотъ. Слѣдовательно, военный флотъ долженъ идти вслѣдъ за торговымъ, такъ какъ торговля—источникъ жизненнаго существованія Германіи. Въ четвертыхъ—въ теченіе долгаго ряда лѣтъ куртизанство, самое подлое, самое тонкое за Англіей. Вотъ основныя темы его рѣчей. Вопросъ мира интересовалъ Вильгельма еще тогда, когда онъ былъ кронъ-принцемъ. Такъ, въ 1888 году, 22 декабря Вильгельмъ осматриваетъ заводъ въ Штетинѣ и когда одинъ изъ старѣйшихъ рабочихъ подноситъ ему лавровый вѣнокъ, онъ восклицаетъ: „Вотъ мои первые лавры. Радуюсь, что они мирные“. Въ 1896 году, 7 сентября на банкетѣ послѣ осмотра 5-му корпусу въ Горлицѣ, Вильгельмъ говоритъ по поводу проекта мирной конференціи, предложенной нашимъ ГОСУДАРЕМЪ: „Онъ, Вождь самой могучей арміи хочетъ отдать свои войска на службу

цивилизаціи и на содѣйствіе миру. Я вполнѣ согласенъ съ его желаніемъ собрать народы Европы и соединивъ ихъ на почвѣ общихъ интересовъ для защиты нашихъ самыхъ священныхъ благъ". Дальше Вильгельмъ пріѣзжаетъ въ Петергофъ и обмѣнивается тостомъ съ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ. 7-го августа пріѣхавъ въ Петергофъ, на банкетѣ Вильгельмъ отвѣчаетъ на тостъ ЦАРЯ: „Непоколебимое рѣшеніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА поддержать миръ встрѣчаетъ въ моемъ сердцѣ самый радостный откликъ: такимъ образомъ, идя по одному пути, и связанные одной идеей, мы будемъ стараться руководить развитіемъ нашихъ народовъ подъ благословеніемъ мира. Всѣми своими силами я приложу старанія къ этому великому дѣянію охраненія мира, и Ваше Величество будетъ имѣть во мнѣ самую энергичную поддержку противъ всякаго, кто только попробуетъ нарушить этотъ миръ". Однимъ словомъ, отвѣты на рѣчи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА проникнуты самыми мирными желаніями. Вильгельмъ подчеркиваетъ, что онъ всецѣло присоединяется къ благимъ намѣреніямъ русскаго ЦАРЯ. Въ 1904 году, 14 мая на освященіи памятника Вильгельму 1-му въ Сенбрюкѣ онъ го-

ворить: „Я молю Бога, чтобы онъ поддержалъ меня въ моихъ стараніяхъ поддержать миръ. Я знаю, что совѣсть наша чиста, что мы ни съ кѣмъ не ищемъ ссоры, и что Богъ будетъ съ нами, если кто либо захочетъ силой нарушить нашу мирную работу". 30 августа парадный обѣдъ въ Страсбургѣ. Императоръ произноситъ тостъ за Эльзасъ, Лотарингію и указываетъ между прочимъ, что „равновѣсію мира не грозитъ никакая опасность, ибо германская армія сильна настолько, чтобы поддержать миръ въ цѣлой Европѣ". Въ 1910 году, 13 мая въ Вѣнѣ, Францемъ Іосифомъ данъ парадный обѣдъ, на которомъ Вильгельмъ произноситъ слѣдующій тостъ: „Цѣлое поколѣніе выросло и отжило съ той поры, какъ Ваше Величество вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ положили основу дружескому Союзу, который вскорѣ былъ расширенъ присоединеніемъ къ нему Италіи, которая разскажетъ, какое благословеніе почило надъ этимъ Союзомъ; но всѣ уже и въ наши дни знаютъ насколько этотъ Союзъ способствовалъ, именно въ послѣдніе мѣсяцы, поддержанію мира во всей Европѣ. Пусть же это чувство и дружеское расположеніе останутся живы подъ славнымъ скипетромъ Вашего Величества, до самого отдаленнаго буду-

щаго, пусть они образуютъ нерушимую связь между нами и нашими государствами на благоденствіи нашихъ народовъ и на сохраненіи мира". Но всѣ знаютъ сколько этотъ союзъ способствовалъ послѣднее время поддержанію мира въ Европѣ. А вотъ, снова свиданіе съ ГОСУДАРЕМЪ въ Ревелѣ. Тѣ же диффирамбы миру и желаніе идти настрѣчу завѣтамъ преподаннымъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ о сохраненіи мира.

Не перечисляю многихъ рѣчей, произносимыхъ по всякимъ поводамъ и безъ поводовъ. Надо сказать, что всѣ люди раздѣляются на два міра. Люди съ сидячимъ образомъ жизни и люди съ кочующимъ образомъ жизни. Вильгельмъ не можетъ сидѣть 2—3 дня на одномъ мѣстѣ; онъ разъѣзжаетъ безъ конца. Нервный, съ импульсивнымъ темпераментомъ, онъ появляется всюду, и всюду мы слышимъ тотъ же припѣвъ о мирѣ на всѣ лады. Слушая Вильгельма, отъ кронпринца до самыхъ послѣднихъ дней, можно подумать, что онъ глашатай мира. Это одна сторона его рѣчей, но когда онъ думаетъ, что рѣчи его не будутъ вынесены изъ собранія, гдѣ онъ находится въ средѣ своихъ бранденбуржцевъ, пруссаковъ, военной средѣ, здѣсь рѣчи его носятъ иной

характеръ, который не соотвѣтствуетъ тѣмъ рѣчамъ, выдержки изъ которыхъ я привелъ. Въ Данцигѣ мая 1893 года на завтракѣ гусарскаго полка, Вильгельмъ говоритъ: „Лучшее слово—поражать. Армія и флотъ—столпы государства". Въ 1905 году открытіе въ Берлинѣ памятника-статуи генералу Мольтке и на парадномъ обѣдѣ вечеромъ, Императоръ произноситъ длинный тостъ, резолютивная часть котораго слѣдующая: „Второй стаканъ осушимъ за будущее и за настоящее. Мы видѣли, господа, каково наше положеніе въ мірѣ. А потому да здравствуетъ порохъ и заостренный мечъ, да здравствуетъ намѣченная цѣль и силы наготовѣ. Да здравствуетъ нѣмецкая армія и Главный штабъ, ура!". Въ 1908 году 14 іюня Императоръ въ Деберицѣ говоритъ: „Дѣйствительно насъ хотятъ окружить и провоцировать. Мы сумѣемъ это выдержать. Никогда германецъ не сражался лучше, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось защищаться со всѣхъ сторонъ. Пусть же они идутъ на насъ. Мы будемъ готовы".

Къ кому обращалось это—неизвѣстно, но нужно думать, что это бряцаніе шпагой и указываніе перстомъ было обращено къ восточному сосѣду, т. е. къ намъ. Въ 1909

году рѣчь, произнесенная въ Карлсруэ заканчивается такъ: „Мы, германцы съ радостью носимъ оружіе, т. к. знаемъ, что оно намъ сохранитъ миръ".

Мы видимъ какъ цѣлый рядъ рѣчей въ этомъ духѣ и въ этомъ смыслѣ произносятся имъ вездѣ: и на маневрахъ, и въ офицерскихъ собраніяхъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ пользуется случаемъ побрякать мечомъ и сказать, что онъ ратникъ, что онъ воинъ, стоящій въ блестящемъ всеоружіи и готовый каждую минуту бросить полки туда, гдѣ интересы Германіи по его мнѣнію и разумѣнію будутъ нарушены. Въ началѣ своего царствованія, онъ, впрочемъ, сказаль: „Всякій, кто помѣшаетъ мнѣ исполнить то, что я хочу, будетъ сокрушенъ". Третьи его рѣчи касаются флота, но здѣсь онъ долженъ быть очень остороженъ, потому что въ этой области онъ только начинающій, въ этой области, у него еще ничего нѣтъ, онъ думаетъ, что за нимъ зорко можетъ слѣдить Англія и въ этомъ отношеніи до послѣднихъ годовъ рѣчи его отличаются удивительной мягкостью. И все это было только до тѣхъ поръ, пока у него не было большихъ судовъ, пока количество дредноутовъ не достигло почтенныхъ размѣровъ. Онъ говоритъ о томъ, что создаетъ

флотъ исключительно съ торговыми цѣлями. 19 іюня 1905 года, во время праздника по случаю открытія Кильскаго канала былъ банкетъ въ Гамбургѣ: „Мы соединяемъ два моря, говоритъ онъ, къ морю направлены наши мысли. Моря связуютъ и сами соединены для счастья и мира народовъ". Въ 1901 году 18 іюня: „Задачей моего дома будетъ стремленіе способствовать развитію мирной торговли и навигаціи на долгіе годы".

Долженъ замѣтить, что въ то время, какъ въ Англіи идея созданія сухопутной арміи не имѣла до послѣдняго времени сочувствія и попытки лорда Робертса и Сольсбери вызывали скептическую улыбку на лицахъ англичанъ, въ Германіи долго не понимали значенія и необходимости созданія военнаго флота. Вильгельмъ съ неугасающей энергіей, съ поразительной подвижностью ѣздитъ по всѣмъ крупнымъ торговымъ городамъ, въ Гамбургъ, Штеттинъ, и др. гдѣ только можетъ видѣться съ торговцами, съ купцами, съ представителями всѣхъ слоевъ населенія и говоритъ имъ о необходимости мирнаго процвѣтанія Германіи, о расширеніи вывоза товаровъ, а такъ какъ расширеніе вывоза возможно только при созданіи собственнаго флота, то онъ проситъ, чтобы они давали средства и вы-

бирали въ рейхстагъ людей, которые шли бы за ассигнованіе на флотъ. 19-го іюня въ Курсгафенѣ за обѣдомъ, въ морскомъ клубѣ Императоръ говоритъ: „Германія теперь достигла на морѣ такихъ успѣховъ которые не могутъ не вызвать изумленія. Нашъ военный флотъ слѣдуетъ за торговымъ, который идетъ гигантскими шагами. Первое условіе, дабы это движеніе на морѣ сохранилось надолго — есть поддержаніе мира и впредь". Вильгельмъ въ каждой рѣчи говоритъ о мирѣ и необходимости торговаго флота, но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что Англія должна скептически относиться къ его рѣчамъ о флотѣ и еще больше къ его дѣйствіямъ, а поэтому онъ со свойственной ему энергіей не устаетъ путешествовать въ Англію, гдѣ вдалбливаетъ въ сердца англійскаго народа, что цѣли имъ преслѣдуемыя исключительно мирныя. Такъ въ 1889 году 5 августа видимъ его въ Англіи и въ отвѣтъ на тостъ принца Уэльскаго, будущаго короля Эдуарда VII онъ говоритъ о томъ, что у Германіи лучшая въ мірѣ армія, а у васъ, англичанъ, лучшій въ мірѣ флотъ и ихъ взаимодѣйствіе есть гарантія мира. Здѣсь онъ учится, приглядывается, присматривается, но вмѣстѣ съ тѣмъ англійское общественное мнѣніе

поражало то, что Вильгельмъ завязывалъ самыя тѣсныя сношенія при своихъ путешествіяхъ съ людьми причастными къ англійскому адмиралтейству. Въ 1889 году королева Викторія жалуетъ ему чинъ адмирала Великобританскаго флота. Какъ извѣстно пожалованіе иностранныхъ государей чиномъ шефа полка или чиномъ адмирала флота ни къ чему не обязываетъ. Это просто актъ вѣжливости. Но Вильгельмъ изъ этого извлекъ для себя, какъ это мы увидимъ, пользу. 6 августа 1889 года Вильгельмъ посѣщаетъ опять Англію и послѣ завтрака у герцога Кумберлэндскаго, послѣ маневровъ англійской арміи говоритъ:„ Если когда нибудь услышу сомнѣніе объ арміи волонтеровъ, я всегда смогу привести въ примѣръ англійскую армію и засвидѣтельствовать ея высокія качества“.

Кто знаетъ Вильгельма, кто вникнетъ въ содержаніе его рѣчей, кто понимаетъ насколько онъ придаетъ значеніе дисциплинѣ, тотъ безъ улыбки не можетъ прочесть этихъ словъ. Англія не имѣла постоянной регулярной арміи и Вильгельму хотѣлось усыпить въ этомъ отношеніи вниманіе правящихъ англійскихъ круговъ и онъ хвалитъ волонтерскіе ряды.

Въ 1907 году происходитъ соглашеніе

Англіи съ Германіей за протекторатъ надъ Занзибаромъ, и впервые англичане уступаютъ Германіи за Занзиборъ островъ Гельголандъ, который они немедленно укрѣпляютъ и создаютъ мощную базу. Но все это мирно, тихо. Вильгельмъ каждый годъ ѣздитъ на поклоненіе королевѣ Викторіи, потомъ Эдуарду VII и ихъ отношенія ничѣмъ не омрачаются. Въ 1898 году 4 августа, когда Вильгельмъ прибылъ въ Англію, королева Викторія встрѣчаетъ его словами: „Добро пожаловать, дорогой Вильямъ". И вдругъ, какъ громъ среди яснаго дня въ Штеттинѣ: 23 сентября 1890 года (очевидно тогда постройка нѣмецкаго флота стала идти лучше), Вильгельмъ произнесъ громовую рѣчь по поводу открытія новаго порта и говоритъ, „Наше будущее на морѣ".

Трудно разсказать какое впечатлѣніе произвела эта рѣчь. Въ Англіи увидали впервые куда клонятся аппетиты германскаго императора. Но это сглаживается искусствомъ и очарованіемъ столь свойственнымъ Вильгельму. Онъ наноситъ новый визитъ въ Англію въ 1891 году съ своей супругой, и на завтракѣ, который дается ему лордъ мэромъ произноситъ длинную рѣчь, въ которой указываетъ на кровную связь существующую между Англіей и Германіей, на

то, что можетъ быть они вмѣстѣ будутъ воевать и что несомнѣнно первымъ государствомъ, противъ котораго они совмѣстно пойдутъ—будетъ Россія. Въ 1892 году онъ опять дѣлаетъ визитъ, опять намекаетъ на союзъ Англіи съ Германіей и опять указываетъ, что противникомъ ихъ будетъ Россія. «Какъ, говоритъ онъ, лордъ Нельсонъ при Трафальгарѣ сказалъ, что онъ надѣется, что каждый англичанинъ исполнитъ свой долгъ, такъ наши флоты сражаясь бокъ-обокъ съ общимъ врагомъ, смогутъ также пойти по стопамъ солдатъ и офицеровъ Нельсона и вмѣстѣ дружно исполнятъ свой долгъ передъ родиной, уничтожая общаго врага.» Онъ систематически подчеркиваетъ, что любитъ флотъ для мирныхъ цѣлей и во всемъ беретъ примѣръ съ Англіи. Такъ, 26 іюня 1903 года на борту англійскаго броненосца, при открытіи Кильскаго Канала, въ отвѣтъ на тостъ англійскаго адмирала, онъ подчеркиваетъ связь Англіи съ Германіей и говоритъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ германскій флотъ не будетъ противникомъ англійскаго флота.

Что онъ это говорилъ — неудивительно, но что англичане его слушали и молчали, не обращая на него вниманія—это удивительно.

Повторяю, это произошло потому, что Англія совершенно не была знакома съ историческимъ, теченіемъ германской мысли, которая систематически вооружала Германію противъ Англіи и подготовляла будущую войну. Наступаетъ 1895 годъ, Вильгельмъ ѣдетъ опять въ Англію, возвращается, развиваются Трансваальскія событія и Вильгельмъ подъ вліяніемъ, трудно сказать чего, посылаетъ телеграмму Крюгеру. Телеграмма эта невѣроятнымъ образомъ взволновала англичанъ, но Вильгельмъ понялъ, что такъ поступать еще рано и 8 сентября 1896 года онъ снова въ Англіи; идетъ новое куртизанство, новое увѣреніе въ дружбѣ и затѣмъ въ Ганноверѣ, послѣ произнесенія рѣчи войскамъ и уже послѣ посылки телеграммы Крюгеру онъ предлагаетъ крикнуть громкое „ура" англійской королевѣ, которая является шефомъ одного изъ полковъ, одержавшихъ блестящую побѣду, подъ предводительствомъ лорда Китченера надъ дервишами. Въ 1899 г. мы видимъ его опять въ Англіи. Въ 1901 году когда онъ первый явился въ Англію, это было сочувственно встрѣчено англичанами, которые увидѣли, какъ, любящій внукъ страдая, что умерла его бабка, явился первымъ, онъ, Императоръ Германіи, воздать должное ея праху

Цѣлый рядъ тостовъ, выкриковъ и рѣчей Эдуарду VII и постоянныя поѣздки въ Англію. Но вотъ, происходитъ удивительное событіе: Въ 1908 году Вильгельмъ въ достаточной степени почувствовалъ себя окрѣпшимъ; кредиты на флотъ въ Германію отпускаются, корабли строятся по послѣднему слову науки. И въ Англіи поднимается невѣроятнѣйшій переполохъ, благодаря письму полк. Ливингтона въ газетѣ „Таймсъ“, по поводу того, что Императоръ германскій, пользуясь своимъ званіемъ адмирала англійскаго флота написалъ письмо Лорду Твидмуту съ просьбой сократить англійское вооруженіе на флотъ и выспрашивалъ его о положеніи англійскаго морского дѣла. Подобнаго рода обращеніе особы Императорской крови къ Министру другого государства вызвало сильное возмущеніе въ Англіи. Поднялась колоссальная кампанія противъ Вильгельма. Стали указывать, что званіе, которое ему было дано — почетное, и не давало ему никакого права вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія Англіи, и въ особенности касаться ея военной и морской мощи. Полемика въ газетахъ началась страшная. „Таймсъ“ потребовалъ, чтобы письмо было опубликовано. Въ парламентѣ по этому поводу былъ за-

просъ и Асквитъ заявилъ, что письмо носило частный характеръ, и что морскіе кредиты Англіи были приняты въ должномъ размѣрѣ еще до полученія этого письма. Этого оказалось мало. Черезъ нѣкоторое время Вильгельмъ сдѣлалъ еще одну большую ошибку: онъ далъ интервью корреспонденту, кажется, „Дейли Ньюсъ", и съ желчью, которая казалось совершенно не была ему свойственна, сталъ нападать на англичанъ за то недовѣріе, которое они ему оказываютъ, несмотря на всѣ его завѣренія дружбы. Это интервью вызвало переполохъ не только въ Англіи но и въ самой Германіи. Германское общественное мнѣніе возмутилось тѣмъ, что Вильгельмъ съ прямотой, которая ему будто бы свойственна, указывалъ на то, что онъ стремится всѣми силами сохранить дружбу между германскимъ народомъ и англичанами, и несмотря на всѣ попытки сохранить эту дружбу, несмотря на всѣ заискиванія передъ англичанами, на всѣ путешествія—англичане ему не вѣрятъ. Жюль Эренъ такъ описываетъ рѣчь Вильгельма въ 1908 году. „Факты свѣжи въ памяти у каждаго. 28 окт. 1908 года англійскія газеты опубликовали интервью Императора, главныя выдержки изъ котораго мы приводимъ: „Вы англичане

ошалѣли! Что это за подозрѣнія, недостойныя великой націи? Я высказалъ ясно, что я всей душой на сторонѣ мира, мое самое искреннее желаніе быть съ Англіей въ наилучшихъ отношеніяхъ. Лукавство и ложь чужды моей натурѣ, д иа факты говорятъ за себя. Но вы прислушиваетесь къ тѣмъ, кто ихъ толкуетъ ложно. Я смотрю на это какъ на личное оскорбленіе для себя. Десять лѣтъ я говорилъ, что я другъ Англіи, но ваша пресса требуетъ, чтобы народъ оттолкнулъ мою дружбу, и бросаетъ мнѣ оскорбленіе, будто я, протягивая одну руку, въ другой держу кинжалъ. Большая часть моего народа не питаетъ дружбы къ Англіи. Но я борюсь постоянно за улучшеніе англо-германскихъ отношеній. Германія должна имѣть сильный флотъ, дабы охранить свою торговлю и интересы въ отдаленныхъ моряхъ. Эти интересы не перестанутъ расти, и сообразно съ этимъ, флотъ и долженъ обезпечивать ихъ безопасность въ обществѣ". Это говоритъ тотъ самый Вильгельмъ, который наградилъ всѣмъ, чѣмъ могъ Генриха фонъ-Трейчке, и другихъ нѣмецкихъ историковъ, которые систематически воспитывали нѣмецкій народъ въ ненависти къ Англіи.

Но какъ ни краснорѣчиво было его ин-

тервью, оно подняло такой шумъ что привело къ громаднѣйшему конфликту въ самой Германіи. Пришлось сдѣлать исключительный поступокъ. Германскій канцлеръ фонъ-Бюловъ указалъ, что интервью, которое появилось въ газетѣ было ему послано для просмотра Императоромъ, но онъ, фонъ-Бюловъ, по свойственной ему забывчивости, забылъ и положилъ его на конторку, а кто-то его взялъ и оно попало въ печать. Онъ одинъ, слѣдовательно является отвѣтственнымъ лицомъ за то непріятное впечатлѣніе, которое произвело интервью на Англію и Германію. И когда главу, партіи либераловъ и соціалъ-демократовъ спросили въ рейхстагѣ—неужели все это правда и неужели это будетъ повторяться, неужели мы наканунѣ разрыва съ Англіей? тогда фонъ-Бюловъ сказалъ, что вина его, онъ подаетъ въ отставку, беретъ на себя всю отвѣтственность, но что даетъ честное слово отъ имени германскаго Императора, что германскій Императоръ, больше рѣчей въ такомъ духѣ, не спросясь, произносить не будетъ.

Такъ дѣло и кончилось. Рейхстагъ удовлетворился этимъ объясненіемъ и дѣйствительно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Вильгельмъ держалъ языкъ за зубами и молчалъ. Но годы шли. Вильгельмъ продолжалъ свое

дѣло и когда Англія очнулась, германскій флотъ былъ готовъ, а когда флотъ былъ готовъ, то Вильгельмъ заговорилъ совершенно другимъ языкомъ и тѣ событія, свидѣтелями которыхъ являемся мы, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что онъ не постѣснялся выступить совершенно открыто и прямо бросилъ вызовъ цѣлой Европѣ въ томъ числѣ Англіи и намъ.

Вы знаете, что мы были первыми, которые должны были дать отпоръ Вильгельму; Англія еще колебалась, но сила обстоятельствъ заставила ее примкнуть къ намъ. Положеніе Англіи въ этой борьбѣ нисколько не легче нашего положенія, а даже труднѣе, потому что ей не приходится бороться съ германскимъ флотомъ, а приходится давать на континентѣ такой запасъ силъ англичанъ и подвластныхъ ей народовъ, которыхъ она быстро мобилизовать не могла. Результаты того, что Англія проспала сказались на ней немедленно. Впервые за свою исторію она вся цѣликомъ ушла въ войну, при колоссальномъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ, чего никогда не было, и тѣ, кто помнитъ прошлыя войны Англіи знаютъ, что Англія посылала на континентъ небольшіе дессанты, за которые потомъ Европѣ приходилось дорого расплачиваться. Ибо

она должна была давать Англіи наиболѣе жирные, лакомые куски за помощь, которую Англія оказывала Европѣ.

Теперь этого нѣтъ. Захваченная врасплохъ, проспавшая Англія теперь поднимаетъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ требуетъ медленнаго обсужденія и медленнаго прохожденія. Такъ она вводитъ у себя законы о всеобщей воинской повинности. Она вводитъ эти законы понимая, что въ будущемъ безъ этого она существовать не можетъ. Далѣе, она уже не разсчитываетъ на другихъ, а спасая сама свое будущее, отдаетъ всѣ силы на борьбу, чувствуя, что иначе она можетъ быть низведена на положеніе Португаліи. Англія сейчасъ идетъ рука объ руку съ исконнымъ своимъ врагомъ въ прошломъ—Россіей, вѣря, что лишь наша мощь похоронитъ въ сугробахъ русскаго снѣга тѣ тевтонскія полчища, которыя какъ въ былыя времена полки Атиллы, наводняютъ сейчасъ Россію. Она вѣритъ, что имперіалистическія стремленія и аппетиты Вильгельма могутъ быть похоронены только въ Россіи, которую она должна снабдить оружіемъ и неисчислимымъ количествомъ средствъ, такъ какъ людей дать она не можетъ.

Повторяю, впервые Англія принявъ участіе въ континентальной войнѣ должна

отступить отъ своихъ традицій, диктовавшихся ей политическимъ разумомъ. А традиціи, которымъ Англія слѣдовала до послѣднихъ лѣтъ были слѣдующія: уничтожить флотъ противника, но сохранять его сухопутную силу, дабы союзникъ, побѣдивъ сухопутнаго врага, не сталъ чрезмѣрно сильнымъ. Англія въ началѣ войны думала ограничиться только уничтоженіемъ флота своего противника, оставивъ живую его силу для борьбы съ сухопутными силами ея союзника. Но это было въ началѣ, когда она полагала, что давъ Европѣ дессантъ въ 250.000 человѣкъ, она за это сможетъ требовать извѣстныя компенсаціи; теперь же она этого думать не можетъ, ибо вся ея энергія воли, ума и разума, все что есть въ Англіи сильнаго и мощнаго, направлено на то, чтобы не считаясь съ перспективами ближайшаго или далекаго будущаго, имѣтъ возможность уничтожить Германію, ибо Германія грозитъ ей не только потерей отдѣльныхъ колоній, но и ея жизненнымъ существованіемъ.

Знаменитый нѣмецкій стратегъ Клаузевицъ и англійскій его послѣдователь Корбетъ говорятъ, что существуютъ войны двухъ категорій: война съ ограниченными задачами и война съ задачами неограниченными. Го-

сударства континентальныя ведутъ войны съ задачами неограниченными, они борятся другъ съ другомъ, должны добиваться того, чтобы одно другое ослабило настолько, чтобы не было идеи реванша. Когда Германія боролась съ Франціей, она стремилась къ тому, чтобы идея реванша зародившаяся въ умахъ французовъ не могла осуществиться изъ-за недостатка физическихъ силъ. Задача войны ограниченной есть нѣкоторое территоріальное прирощеніе границъ государства побѣдившаго за счетъ государства побѣжденнаго. Война съ задачами неограниченными требуетъ полнаго напряженія общественныхъ и народныхъ силъ, тогда какъ война съ задачами ограниченными этого не требуетъ.

Для Англіи наступилъ дѣйствительно въ полномъ смыслѣ слова роковой часъ. Представьте себѣ печальный или безразличный исходъ войны съ Россіей, не дай Богъ, чего быть не можетъ, всякій это скажетъ, кто знаетъ настроеніе нашихъ войскъ и личный командный составъ; но если война была бы неудачна и длительна, мы разоряемся, теряемъ средства, милліоны людей, бѣднѣемъ, нищаемъ, но мы все-таки еще остаемся, хотя и искалѣченнымъ, но государствомъ. А Англія, потеряй войну,

она будетъ низведена до положенія Португаліи.

Цѣлый рядъ, писателей, которые предчувствовали наступленіе войны, понимали, что война является неизбѣжной необходимостью, что она становится стихійной, потому что идетъ столкновеніе націй. Всѣ они говорили объ этой войнѣ для Англіи, какъ о роковомъ часѣ.

Недавно вышелъ большой трудъ одного американскаго писателя немедленно переведенный на нѣмецкій языкъ германскимъ военнымъ писателемъ Ревентловымъ, гдѣ говорится о необходимости введенія для Англіи общей воинской повинности. Англія неоднократно вела войны въ прошломъ за морское владычество, съ Португаліей, Испаніей, Голландіей, Франціей, но тѣ войны застали Англію подготовленной и они не были и тѣнью, по размѣрамъ, той войны, которую ведетъ она сейчасъ. Эта война представляется для Англіи гигантской, она напрягаетъ всѣ свои силы потому, что чувствуетъ дальнѣйшую опасность, которая можетъ ей грозить отъ другихъ государствъ. Она чувствуетъ, что въ тотъ моментъ, когда она проиграетъ войну, она лишится всего: потеряетъ Гибралтаръ, Мальту, Суэцкій каналъ, Кипръ,

островъ Св. Елены, Пирей, Сингапуръ и весь тотъ длинный рядъ мѣстечекъ, захваченныхъ ею, чтобы поддерживать связь между всѣми своими колоніями, которыя не отпадаютъ отъ Англіи подобно тому, какъ въ древнія времена колоніи, становясь сильными, отпадали отъ своихъ метрополій. Теперь этого нѣтъ, потому что Англія поддерживаетъ между ними связь, имѣя эти точки опоры. Она понимаетъ, что въ тотъ моментъ, когда она будетъ разбита, она потеряетъ все и мѣсто ея будетъ хуже мѣста Португаліи.

До сихъ поръ Англія всегда вела войну съ задачами ограниченными, въ то время, какъ ея континентальные союзники, на помощь коимъ она приходила, всегда вели войну съ задачами неограниченными. Въ интересахъ дальнѣйшаго спокойствія по окончаніи войны и побѣды, Англія всегда выбирала себѣ театръ военныхъ дѣйствій и всегда старалась, чтобы онъ не отдалялся отъ ея базы. Это вполнѣ естественно, ибо ея задачей было помочь союзнику въ томъ, чтобы выгнать непріятельскій флотъ въ открытое море и поставить его подъ удары сильнѣйшаго англійскаго флота.

Но это было до настоящей войны, въ теченіе всей длинной исторіи Англіи и лишь

одинъ разъ за всю свою исторію Англія отступила отъ этой морской тактики. Это было въ битвѣ при Ватерлоо съ Наполеономъ, когда лордъ Веллингтонъ отошелъ отъ своей базы. Причина этому была та, что если бы Наполеонъ разбилъ союзниковъ, война приняла бы затяжной характеръ, что не отвѣчало интересамъ Англіи. Сейчасъ же, рѣшивъ принять участіе съ задачами ограниченными и не удаляясь отъ своей базы, давши уже не 250.000, а почти милліонъ человѣкъ, не имѣя регулярной арміи и по всѣмъ странамъ собирая людей, которые идутъ только потому, что женщины стыдятъ мужчинъ, не надѣвающихъ костюма хаки, Англія, пославшая свои войска на Балканы, сознавая, что тамъ грозитъ опасность Египту, тутъ другимъ ея колоніямъ, во что бы то ни стало, не заглядывая въ далекое будущее, стремится разбить врага. Она отступила отъ своихъ традицій во имя самыхъ насущныхъ, жизненныхъ интересовъ. Въ этотъ моментъ для нея рѣшается судьба въ большей степени, чѣмъ для Россіи.

Если Англія окажется побѣдительницей, то отъ Германіи не останется ничего, но если, паче чаянія, ходомъ историческихъ событій Англія будетъ побѣждена, то она пропадетъ, какъ великодержавное государство и будетъ низведена на нѣтъ.

Вотъ то, на что я хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Далѣе я коснусь труда канцлера фонъ-Бюллова и цѣлаго ряда другихъ трудовъ по вопросу объ отношеніи Германіи къ Россіи, чтобы показать вамъ, насколько жизненной является та борьба между нами, которая разразилась въ настоящее время. Долженъ, однако, сказать, что мы не находимся въ положеніи Англіи. Для насъ побѣда не является вопросомъ — быть ли намъ, какъ великому государству или не быть? Въ то время, какъ въ Англіи, въ метрополіи она является болѣе или менѣе единой по характеру и составу населенія, за исключеніемъ ирландцевъ, у насъ, къ крайнему сожалѣнію, конгломератъ народностей, и въ случаѣ побѣды не подлежитъ сомнѣнію, что мы пойдемъ по пути прогресса и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ развиваться въ государственномъ смыслѣ все больше и больше. Но не дай Богъ пораженія намъ, неудачи, или не дай Богъ намъ даже худшаго, положенія status quo ante т. е. сохранить прежнія границы, и возможности Германіи расшириться за счетъ Австріи, тогда мы фактически будемъ разбиты, ибо Германія будетъ расширяться не за счетъ Россіи, а за счетъ австрійскихъ нѣмцевъ. Она будетъ сильна тѣмъ, что расширится однообразнымъ характеромъ своего

населенія. Намъ тогда необходимо будетъ компенсировать всѣ тѣ племена и народы, которые, предъявятъ свои требованія за участіе, которое они принимали въ войнѣ, и за свою лойяльность. Тогда начнется борьба центробѣжныхъ силъ въ Россіи.

Хочется вѣрить, что этого не будетъ и тотъ, кто былъ на фронтѣ, кто видѣлъ настроеніе нашихъ войскъ, понимаетъ, что пораженія быть не можетъ. Я всегда вспоминаю старую сказку о борьбѣ Антея съ Геракломъ. Геракл боролся съ Антеемъ и удивлялся, что всякій разъ, какъ Антей, поражаемый Геракломъ, падалъ на землю, онъ поднимался и становился все сильнѣе и сильнѣе. Геракл понялъ, что земля была матерью для Антея и онъ всякій разъ какъ касался ея, увеличивался въ силѣ и мощи. Чтобы побѣдить его, Геракл поднялъ Антея на воздухъ, не далъ ему возможности коснуться земли и Антей погибъ.

Но мы, господа, на своей землѣ, мы не врываемся въ чужіе предѣлы какъ тать, или разбойникъ. Мы стоимъ, защищая свои святыни и свою землю. Нашъ врагъ перешелъ границу и каждый шагъ его наступленія и нашего отступленія вызываетъ взрывъ негодованія въ войскахъ. Думается, что близокъ тотъ часъ, когда, какъ въ 1812

году мы погонимъ полчища враговъ, зашедшихъ вглубь Россіи и будемъ видѣть свѣтлый день освобожденія нашей Родины отъ врага, а затѣмъ зарю новаго свѣтлаго будущаго для Россіи.

Я насколько умѣлъ, всѣмъ вышесказаннымъ постарался охарактеризовать вамъ тѣ теченія общественной мысли Англіи и Германіи, которыя предшествовали великой Европейской войнѣ. Кажется, что мнѣ удалось доказать, насколько мало было подготовлено англійское общественное мнѣніе къ воспріятію того, что потомъ произошло. И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ систематически работала германская общественная и научная мысль надъ этимъ же вопросомъ, подготовляя народныя массы, путемъ сочиненій ученыхъ, философовъ, писателей, поэтовъ и ораторовъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній.

Теперь я перехожу къ вопросу о томъ, что переживала въ прошломъ Россія, что переживаетъ она въ настоящее время, къ чему можетъ привести Россію побѣда Германіи, если бы это несчастье когда нибудь случилось. Я коснусь вопроса о настроеніяхъ русскаго общества въ недалекомъ прошломъ, и въ настоящее время, о характерѣ дѣятельности русскихъ властей. Затѣмъ мнѣ придется остановиться на вопросѣ о томъ, чего нѣмцы, по

ихъ собственному признанію, хотятъ, каковы ихъ намѣренія, цѣли, стремленія. Если мы окинемъ взоромъ все то, что дѣлается вообще въ Россіи, невольно насъ должно поражать то упорное молчаніе, которое наблюдается всюду, молчаніе надъ вопросами, которые должны были бы тревожить русское сердце и душу. должны были бы заставить трепетать общественное сознаніе, и должны были бы выбрасывать наружу цѣлый рядъ ораторовъ, писателей и поэтовъ, которые освѣдомляли бы народныя массы о всемъ происходящемъ и подготовляли бы къ воспріятію происходящаго сейчасъ, и того, что должно произойти.

Германія борется не только однимъ оружіемъ, снарядами, энергіей и волей. Она бросаетъ массу ораторовъ въ народную среду, которые возбуждаютъ народъ именно теперь, во время этой кровопролитной войны, чтобы въ немъ не ослабѣло желаніе бороться за отечество. Они электризуютъ народныя массы и заставляютъ ихъ биться изъ за сознанія, что пораженіе будетъ уничтоженіемъ Германіи.

Вотъ эта свобода слова въ Германіи и есть общественная сила потому, что она помогаетъ германскому оружію и его временнымъ успѣхамъ. Германія понимаетъ,

что всякое душевное движеніе не можетъ быть продолжительнымъ, что за моментами порывовъ идутъ моменты реакціи и утомленія. И они боятся, что въ моментъ пораженія германское общество можетъ упасть духомъ, что оно потеряетъ вѣру въ самого себя, что оно не въ состояніи будетъ продолжать войну, которая обѣщаетъ либо торжество германскаго имперіализма, или должна низвести Германію до положенія державы третьяго ранга. Въ Германіи печать, книги, лекціи, цѣлый рядъ профессоровъ— всѣ работаютъ для пользы войны.

Почему же у насъ, молчатъ? Почему мы, имѣющіе народъ, не столь культурный, какъ германскій народъ, въ смыслѣ образованія, не бросаемъ въ народную среду ораторовъ, которые должны расходиться въ народной средѣ и популяризировать идею войны. являющейся національной войной, войной за существованіе Россіи? Война эта должна предуказать пути нашему великому отечеству, пути славы, торжества и почета. И почему въ настоящее время, когда вся Россія объединена духомъ единомыслія, не видимъ мы ряда ораторовъ изъ всѣхъ фракцій, членовъ Государственной Думы: Милюкова Родичева, Шингарева, Шидловскаго и другихъ дѣятелей, разъѣзжающихъ по Рос-

сіи и читающихъ лекціи народу, который теперь борется инстинктивно? Надо, чтобы это инстинктивное чувство перешло въ глубокое пониманіе совершающагося. Пусть причины и побужденія, руководящія отдѣльными ораторами, будутъ разны, но цѣль одна. И на пути борьбы за всю русскую исторію мы объединены единственнымъ чувствомъ, чувствомъ воли, чувствомъ сознанія и пониманія своей государственной задачи и пониманія той опасности, которая грозитъ великому отечеству въ моментъ, когда они ослабѣютъ духомъ и не въ состояніи будетъ бороться съ дерзкими тевтонами.

Упорно задаешь вопросъ правительству: „Зачѣмъ ты спишь? Зачѣмъ не мобилизуешь народныхъ силъ? не помогаешь ряду ораторовъ выдвигаться изъ народной среды и ѣздить изъ Самары во Владивостокъ, въ Херсонъ, въ Москву, въ Кіевъ и т. д., чтобы будить душу народную въ городахъ и селахъ, и пробуждать сознаніе, которое можетъ померкнуть подъ вліяніемъ происходящихъ событій?!“

Мы косны, мы сплошь и рядомъ не хотимъ работать! „Все образуется“, думаетъ косное большинство, косная масса.

А нѣмцы работали надъ обработкой въ

нѣкоторыхъ странахъ общественной мысли въ извѣстномъ направленіи. Развѣ не молчанію нашей дипломатіи мы обязаны тѣмъ, что Болгарія выступила, что Греція не выступила съ нами до настоящаго времени? Развѣ событія, происходящія въ Персіи, и положеніе въ Швеціи, не служатъ доказательствомъ бездѣйствія власти, въ то время когда она должна была воздѣйствовать и печатью, и другими способами доступными ей и недоступными народнымъ массамъ? А сейчасъ всякая единица, вступающая въ борьбу, является гирей, перевѣшивающей вѣсы на одну сторону.

На Балканахъ дѣло сейчасъ стоитъ такъ, какъ на аптекарскихъ вѣсахъ, ибо успѣхъ того или другого противника зависитъ отъ того, куда склонится та, или другая чаша вѣсовъ, независимо отъ ихъ симпатій Они отдаютъ свои войска въ сознаніи, что, если побѣдитъ не та сторона, къ которой они примкнули, то они погибнутъ, распылятся изъ за ошибки, изъ за непониманія, момента. Да, всякій порывъ не можетъ длиться долго: онъ ослабѣваетъ.

Посмотрите на дѣло снабженія нашей арміи общественными силами. Въ первое время, въ прошломъ году оно было интенсивнѣе, сильнѣе. Больше людей ѣхало на

фронтъ и везло вещи. А сейчасъ — надо подогрѣвать. Когда дорожаетъ жизнь, когда являются недочеты, когда бѣднымъ людямъ становится трудно жить, надо внушать имъ сознаніе благого дѣла, которое творится на театрѣ военныхъ дѣйствій, дабы „былъ еще порохъ въ пороховницахъ, дабы сабли не притупились", дабы войско, стоящее на стражѣ русскихъ интересовъ, понимало, что здѣсь оно найдетъ поддержку, что здѣсь не ослабѣли, а что всѣ движимы тѣми же побужденіями, что и въ прошломъ году: стараніемъ помочь побѣдѣ всѣми средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи.

Необходимо бить въ набатъ въ народной средѣ, такъ какъ эта война ведется не правительствомъ, не петроградскимъ комитетомъ, а всѣмъ народомъ. И надо, чтобы весь народъ ярко и выпукло представлялъ себѣ задачи войны и понималъ бы, что должно произойти, какъ результатъ мира. Пусть пишутъ дипломаты, пусть работаютъ канцеляріи, но пусть будутъ осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, если будутъ знать, что за ихъ спиной стоитъ сознательный русскій народъ, понимающій свои историческія задачи, пролившій море своей крови, потерявшій милліоны своихъ согражданъ, но не желающій, чтобы результатомъ этой войны

было уничтоженіе всѣхъ нашихъ успѣховъ другими державами, которыя въ моментъ мира будутъ посягать на законныя права Россіи въ той, или другой области, на которыя она имѣетъ право, какъ пролившая много крови и потерявшая много своихъ сыновъ.

Необходимо, чтобы народъ былъ освѣдомленъ объ истинныхъ задачахъ воинствующаго имперіализма тевтоновъ и объ истинныхъ историческихъ своихъ задачахъ, дабы въ моментъ мира онъ не продешевилъ, не проигралъ, не продалъ за чечевичную похлебку свои права тѣмъ союзникамъ, которые сейчасъ съ нами въ дружбѣ, а потомъ будутъ требовать каждый для себя побольше.

Настоящій моментъ никогда не повторится. Если бы въ 1905 г. кто нибудь сказалъ, что Государственная Дума будетъ единодушна въ своихъ воззрѣніяхъ по вопросу о войнѣ, въ 1905 г., когда лилась кровь русскихъ сыновъ, когда происходила русская революція; если бы кто нибудь тогда предсказалъ такую силу сознанія русскаго народа; если бы кто нибудь сказалъ тогда, что Бурцевъ вернется изъ Парижа и отдастъ себя въ руки правосудія и будетъ прощенъ, онъ, который посылалъ

дерзновенные отзывы о русскомъ Монархѣ; если-бы кто сказалъ тогда, что Монархъ его проститъ, какъ стоящій выше всего, что Плехановъ выступитъ съ вопросомъ о войнѣ и будетъ ярымъ защитникомъ продолженія войны до почетнаго мира, — тогда сказали бы, что лицо, возбуждающее такіе вопросы, должно быть помѣщено въ домъ умалишенныхъ.

А между тѣмъ, передъ нами историческіе факты и книги—рѣчи этихъ господъ, служащія живымъ доказательствомъ того, о чемъ я говорю, яркимъ доказательствомъ единенія, которое замѣчается между всѣми классами и сословіями русскаго общества, между представителями всѣхъ теченій въ Россіи, объединившимися въ сознаніи своего гражданскаго долга и вѣрящими въ конечный успѣхъ и побѣду надъ злымъ, упорнымъ и грубымъ врагомъ.

Ничего подобнаго исторія Россіи въ прошломъ не знала. И, думается мнѣ, что кончится война, и можетъ быть, мы опять расколемся на партіи, и опять пойдутъ передряги и поднимется борьба. Но мы всегда будемъ вспоминать тотъ день и часъ, когда мы, объединенные, грудью встали противъ врага; а это является показателемъ того, что мы великій народъ, понимающій свои задачи.

Чтобы показать, до какой степени сильно сознаніе необходимости продолженія войны, я не буду говорить о Родичевѣ Милюковѣ, Шингаревѣ и другихъ представителяхъ лѣвыхъ или прогрессивныхъ теченій, а остановлюсь на непримиримомъ Плехановѣ, соціалъ-демократѣ, чтобы показать, какъ мыслитъ вся Россія. Плехановъ выступилъ съ „Книгой о войнѣ“. Книга эта начинается письмомъ къ болгарскимъ соціалистамъ. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ: „Вы слышали, что по моему мнѣнію всѣ славяне должны стать въ настоящее время на сторону Россійской Имперіи“.

А между тѣмъ Плехановъ сторонникъ Маркса и Энгельса, интернаціоналъ и по своимъ убѣжденіямъ не долженъ признавать территоріальныхъ разграниченій. Далѣе онъ указываетъ, что во главѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи сталъ Эрве, который кричалъ до войны о необходимости быть противникомъ ея и говорилъ о шовинистическомъ патріотизмѣ, а потомъ сталъ выдвигать подвиги отдѣльныхъ лицъ на войнѣ. Онъ вспоминаетъ въ своемъ обращеніи о мангеймскомъ съѣздѣ, на которомъ соц. дем. Франкъ являлся врагомъ войны, а потомъ первымъ пошелъ на войну и первымъ палъ на войнѣ.

Вотъ каково было теченіе у нѣмцевъ, когда была объявлена война. Все было переброшено на другую сторону, потому что желая приспособиться къ интересамъ своей родины Франкъ говорилъ, что Германія борется за нѣмецкое человѣчество. Такъ понимали цѣль выступленія Германіи соціалъ-демократы. Это ли мирится съ ученіями практическаго марксизма? „Почему русская соціалъ-демократія", спрашиваетъ Плехановъ, „не должна пойти по стопамъ германской соціалъ-демократіи? Соціализмъ отнюдь не исключаетъ любви къ отечеству".

Это говоритъ соціалъ-демократъ Плехановъ. „Германскія войска", говоритъ онъ „показавшія себя гуннами, которые насиловали женщинъ, уничтожали дѣтей, безцѣльно жгли цѣлыя мирныя поселенія—изъ кого состоятъ германскія войска? Одна треть ихъ—сплошь соціалъ-демократія". „Да, вы пропагандируете теорію непротивленія злу, но когда одинъ человѣкъ разоритъ другого, то развѣ толстовецъ съ улыбкой презрѣнія станетъ требовать, чтобы они помирились?" Это во многомъ относится къ Бельгіи и Польшѣ. „Рабочіе издаютъ коммунистическій манифестъ о томъ, что рабочіе не имѣютъ отечества, но это надо понимать не такъ, какъ это понимаетъ

германская соціалъ-демократія для другихъ, но не для себя. Это надо понимать такъ, что одинъ народъ не имѣетъ права эксплоатировать и высасывать соки изъ другого. А развѣ имперіалистическая политика, которую ведетъ реакціонное правительство Вильгельма, въ случаѣ побѣды и торжества германскаго оружія, не поведетъ къ закабаленію побѣжденныхъ странъ и къ торжеству германской буржуазіи надъ народами и буржуазіей другихъ странъ? Они ссылаются на теорію Эрве, идейнаго французскаго соціалъ-демократа, который былъ противникомъ дачи денегъ и солдатъ на войну. Но развѣ онъ не первый пошелъ въ войска и не отрекся отъ своихъ заключеній, когда теорія столкнулась съ практикой и чувство француза заговорило въ немъ сильнѣе, чѣмъ чувство соціалиста? И одинъ ли Эрве отказывается отъ этого? А Энгель, развѣ онъ не выступилъ въ министерствѣ, когда понялъ, что нѣтъ разницы между представителями разныхъ партій, а есть одна задача—побѣдить врага?

Русскій соціализмъ имѣетъ такое же право защищаться и если раздается крикъ: „долой оружіе!“, то это къ выгодѣ германскаго имперіализма. Германскій имперіализмъ указываетъ, что побѣда надъ Рос-

сіей есть будущая побѣда надъ русской реакціей.

Позвольте намъ съ русской реакціей сосчитаться самимъ. Намъ не нужно нѣмецкой помощи. Пораженіе же Россіи замедлитъ ея экономическое развитіе, поставитъ ее въ зависимость отъ Германіи, задержитъ дѣло народной свободы". Плехановъ плюетъ на попреки тѣхъ, кто, отстаивая необходимость мира, говоритъ ему, что онъ поступилъ на службу къ русской реакціи. „Я предвижу, говоритъ онъ, мнѣ скажутъ: вы тогда должны опредѣлиться на службу къ русской реакціи. Меня и прежде не сбивали, и теперь не собьютъ подобныя возраженія". И далѣе онъ говоритъ: „Настоящая война не есть кабинетная война, по выраженію нѣмцевъ, а національная война. Это война народа, и никто не имѣетъ права требовать запрета выставлять солдатъ и ассигновать деньги на эту войну".

Это говоритъ русскій крайній соціалъ-демократъ. И вотъ, когда упреки стали раздаваться все сильнѣе противъ Плеханова, то онъ во второмъ своемъ письмѣ 8-го мая 1915 г. изъ С.-Ремо еще ярче и сильнѣе выступаетъ противъ своихъ антагонистовъ. Онъ говоритъ, что онъ опирается на слова Бебеля, сказанныя имъ на Гановерскомъ

съѣздѣ въ Германіи: „И вотъ, говоритъ Плехановъ, „если Бебель и Либкнехтъ говорили, что с. д. обязаны защищать свое отечество, а мы не смѣемъ сказать того же?

Нѣмецкіе соціалисты, которые являются родоначальниками соціализма всего міра и всей Европы, конечно, могли бы удержать германское имперское правительство отъ агрессивныхъ замысловъ въ моментъ объявленія войны Россіи. Кому, какъ не германскимъ соціалистамъ, можно было, полагаясь на громадное количество голосовъ, отказать въ кредитахъ и не дать возможности осуществить тевтонскіе идеалы, которые рѣзко проявляются въ рѣчахъ Вильгельма. Но какъ поступили соціалисты? Такъ, какъ французскіе? Нѣтъ, въ тотъ моментъ, когда они должны были бы доказать, что они сила и власть, что они могутъ парализовать проявленіе германскаго имперіализма и не давать денегъ и солдатъ, они спрятались и выступили въ рядахъ германскаго войска, треть котораго составляютъ соціалисты, и съ жестокостью гунновъ проходятъ по Западной Европѣ и направляются къ намъ, чиня насилія.

„Вотъ чего вы добиваетесь: финисъ Галліе; какъ будто ведете къ паденію культурнаго міра, къ паденію идеала свободы

и всего того, что двигало насъ по пути прогресса. Финисъ Полоніе, такъ какъ ни о какомъ другомъ договорѣ съ Польшей, какъ сжать ее въ кулакѣ и не дать ей развиваться, не можетъ быть рѣчи. А въ концѣ концовъ — финисъ Рутенія. Да, вы видите конецъ Россіи, которая трудилась и мыслила, страдала и боролась! И наши обскуранты хотятъ, чтобы я оставался равнодушнымъ въ виду такой перспективы? За кого же они принимаютъ меня? Я еще не опредѣлялся на службу къ акуламъ германскаго имперіализма; я еще не вступалъ въ „Союзъ освобожденія Украйны". Россія принадлежитъ своему трудящемуся населенію. Кому дороги интересы этого населенія, тотъ не можетъ быть равнодушнымъ къ судьбамъ Россіи».

Эта рѣчь могла бы быть спокойно произнесена въ стѣнахъ Русскаго Собранія, а не соціалъ-демократомъ Плехановымъ на страницахъ своей книги, проникнутой всею силой и вѣрой въ наше историческое будущее.

Но это не все. Онъ восклицаетъ:» Не защищать свою страну вы предлагаете отъ нѣмецкаго нашествія, а дѣлать революцію должны мы въ нынѣшнее роковое время. Такъ говорятъ нѣкоторые мои противники.

Война бывала иногда матерью революціи. Но всякій разъ, когда революція рождалась въ мукахъ войны, она была плодомъ разочарованія народа въ способности его правительства защитить страну отъ непріятеля. Горе революціонерамъ, направляющимъ свою агитацію въ разрѣзъ съ естественнымъ и неизбѣжнымъ стремленіемъ народа дать отпоръ внѣшнему врагу. Всѣ ихъ усилія заранѣе осуждены на постыдную и что еще хуже—вполнѣ заслуженную кару.

И на послѣдней страницѣ своего труда онъ говоритъ:» «Вы требуете заключенія преждевременнаго мира, кровопролитіе — жестокое и страшное дѣло. Нѣтъ ничего естественнѣе желанія прекратить его, т. е. способствовать заключенію мира. Но это желаніе не должно насъ дѣлать несправедливыми. Когда угнетенный вступаетъ въ борьбу съ угнетателемъ, тогда требовать заключенія мира между ними—значить мириться съ угнетеніемъ".

Если такъ говоритъ соціалъ-демократъ Плехановъ, то какъ же должны говорить представители другихъ фракцій, стоящихъ правѣе? Я повторяю, что въ настоящій моментъ надо пустить всѣхъ, кто хочетъ вѣрить въ будущее Россіи, по Россіи

бить въ набатъ и подготовлять тѣ принципы будущаго мира, которые должны создать величіе и славу Россіи и уготовить ей новые пути прогресса, порядка и закона.

Эта война для насъ порождена нашей собственной слѣпотой, собственнымъ неумѣніемъ и незнакомствомъ съ тѣмъ, что творилось за многое количество годовъ въ Россіи. Я долженъ сказать совершенно открыто, что не знаю большаго предательства по отношенію къ русскому народу, чѣмъ то, которое позволила себѣ русская правительственная власть въ лицѣ министровъ прошлыхъ годовъ и прошлаго столѣтія. Не можетъ быть ничего болѣе антинаціональнаго, мерзкаго, не имѣющаго ничего общаго съ задачами русскаго народа, имѣющаго свои міровыя задачи, — чѣмъ то, что сдѣлала русская правительственная власть. Хотя мы сейчасъ, до нѣкоторой степени это отразили, но, если обратиться къ разсмотрѣнію многихъ фактовъ, проходящихъ передъ нашими глазами сейчасъ, то мы должны будемъ сознаться, что русскій чиновникъ еще не доросъ до той высоты, на которой онъ долженъ находиться, не доросъ до пониманія, какъ надо выполнять задачи, къ которымъ стремится русскій народъ, посылающій послѣдняго человѣка

на поле брани Война намъ не страшна, потому что нѣтъ арміи, которая была бы выше русской арміи, и нѣтъ героя выше «сѣраго героя»—русскаго солдата. Нѣтъ человѣка, болѣе выносливаго, живущаго сознаніемъ своего долга, который идетъ безропотно въ бой, какъ крестьянинъ, идущій съ полнымъ спокойствіемъ и съ вѣрой въ загробную жизнь и въ то, что онъ исполнилъ честно и спокойно свой долгъ.

Война начинаетъ то великое дѣло, на которое призваны лучшіе сыны родины.

Война ясна и ясны ея послѣдствія для всякаго русскаго человѣка, вѣрующаго въ будущее Россіи и знающаго свою исторію; ясно то будущее, которое создается передъ нами. Оно страшно не русскому солдату, сидящему въ какой нибудь крѣпости, или окопѣ, а страшно русскому чиновнику, который сидитъ въ Петроградѣ и понижаетъ общественное настроеніе. парализуетъ волевые импульсы.

Не думайте, что я говорю о маленькомъ русскомъ чиновникѣ. Чѣмъ выше онъ, тѣмъ опаснѣе и страшнѣе! Это не слова. Не простой вызовъ или упрекъ, брошенный лицамъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ, которые послужатъ наглядными доказатель-

ствомъ приводимаго мною взгляда. Вы убѣдитесь собственными глазами, какъ старались парализовать волю русскаго народа, когда онъ начиналъ понимать, откуда идетъ опасность, терзающая сейчасъ великую Россію.

Балтійскій вопросъ—вотъ тотъ вопросъ, на которомъ всегда можно было бы изучать, что такое русскій чиновникъ, работающій въ Остзейскомъ краѣ. Скажите, что сталось съ намѣреніями Великаго Государя Царя Миротворца Александра III, память котораго съ благоговѣніемъ долженъ вспоминать всякій русскій человѣкъ, понимающій, что Россія не смѣетъ отступать отъ историческихъ задачъ, ниспосланныхъ ей Богомъ? Что сталось съ задачами вѣрнаго его слуги кн. С. Д. Шаховскаго, дѣятеля, который трудился и работалъ, понимая истинныя задачи русскаго народа, но погибъ, такъ какъ былъ высланъ потому, что стоявшіе выше его люди не желали исполненія этихъ задачъ?

Въ 1889 г. кн. Шаховскій Эстляндскій губернаторъ Государю Императору говорилъ: «Въ этомъ году введенъ судъ, въ будущемъ, Богъ дастъ земскія реформы, а черезъ 3 года не будетъ уже разницы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ отъ другихъ, чисто русскихъ».

А гдѣ русская государственная власть въ настоящее время? Мы видѣли среди нея такихъ представителей, мѣсто которымъ въ далекой каторгѣ, а не на административныхъ губернаторскихъ мѣстахъ. Кн. Шаховской говорилъ, что съ нѣмцемъ надо дѣйствовать кореннымъ, ошеломляющимъ образомъ, увѣренно, а не тянуть дѣло по мелочамъ.

Взглядъ, проведенный имъ въ 1889 г., совпадаетъ со взглядомъ великаго дипломата царствованія Александра III, министра Австріи Меттерниха. Меттернихъ былъ выдающійся дѣятель въ Австріи и помѣшалъ на долгіе годы объединенію Германской Имперіи. Отличительное свойство нѣмцевъ заключается въ томъ, что когда даешь имъ—разъ! два!—они сидятъ спокойно въ углу, но когда нѣмецъ чувствуетъ себя сильнѣе другихъ, нѣтъ предѣла его наглости, заносчивости и умѣнію превращать въ рабовъ тѣхъ, кого онъ побилъ.

Кн. Шаховской, работавшій въ Эстляндскомъ краѣ, вотъ какъ характеризовалъ свою работу въ одномъ письмѣ: «Если хочешь дать характеристику моей дѣятельности, то не ошибешься, сравнивъ меня съ огнемъ, имѣющимъ цѣлью освѣтить паривший здѣсь мракъ и дѣянія, подъ прикрытіемъ этого мрака совершавшіяся. Свѣтъ не виноватъ,

что онъ рѣжетъ другимъ глаза и обнаруживаетъ дѣйствительность» Но только Александръ III, только кн. Шаховской, только К. П. Побѣдоносцевъ, крупный русскій государственный человѣкъ, понимали въ то время опасность, которая грозила отъ нѣмцевъ Эстляндскому краю. А другіе министры? Возьмите Д. А. Толстого, министра, отъ котораго прямо зависѣлъ кн. Шаховской. Когда Монархъ высказывалъ пожеланіе, желая объединенія Эстляндскаго края съ Россіей, Толстой отвѣтилъ слѣдующими утѣшительными для нѣмцевъ словами: «Я самъ сознаю вредную дѣятельность князя Шаховскаго, но онъ не мной назначенъ. Я болѣе года его не принималъ, и принимать не буду, дабы не нести отвѣтственности за его дѣйствія, но я ручаюсь, что онъ долго не продержится, и жду подходящаго случая, чтобы отъ него избавиться.» А другой честный человѣкъ, хотя, можетъ быть, и безъ государственныхъ горизонтовъ, но понимающій задачи Россіи. П. Н. Дурново далъ тѣхъ дѣятелей, которые, сидя на мѣстахъ, потворствовали нѣмецкому вліянію и не портили своихъ отношеній съ вліятельными баронскими колоніями. Можетъ быть, это простое совпаденіе, а можетъ быть не случайность, но одинъ изъ прибалтійскихъ

губернаторовъ, наиболѣе умѣвшій ладить съ нѣмцами Сипягинъ— потомъ былъ министромъ внутр. дѣлъ, а другой губернаторъ— товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Вотъ представители русской правительственной власти. Когда маленькіе люди стремятся парализовать нѣмецкое вліяніе, то лица, отъ которыхъ зависитъ ходъ русскаго историческаго корабля, отказываются отъ историческихъ задачъ русскаго народа и желаютъ избавиться, согнать съ постовъ людей, несущихъ высоко знамя русской государственности. Дурново называлъ «политикой приключеній» работу кн. Шаховскаго. Онъ отъ нея отказался, и послѣ немногихъ реформъ, сдѣланныхъ въ царствованіе Александра III, все замерло на 25 лѣтъ до теперешняго времени, когда впервые всколыхнулось русское общество.

Дай Богъ, чтобы эта волна не миновала скоро, и чтобы нѣмецкое засилье не осилило насъ окончательно. «Почти, по каждому закону, касающемуся прибалтійскаго края, они вносили въ Госуд. Совѣтъ свои собственные законопроекты, противоположные тѣмъ, которые исходили отъ правительства.

Прочтите статью «Принципы Прибалтійской жизни» и яркая картина гнета бароновъ, и угнетенія ими эстовъ и латышей

выступитъ во всей полнотѣ передъ глазами. Вы увидите, какъ клика бароновъ держитъ народныя массы, какъ батраковъ, лишая ихъ права на историческое существованіе.

Вспомнимъ недавнее прошлое, 1882 г., когда была назначена ревизія сенатора Манасеина, которому было поручено провести нѣкоторыя реформы, какъ то: школы въ 1887 г., судебную реформу въ 1889 г. Какъ всколыхнулся весь прибалтійскій край, сказавъ, что это посягательство на ихъ прерогативы! А въ 1905 г., когда вся Россія была охвачена революціоннымъ движеніемъ созданнымъ неуравновѣшенными группами русскаго общества, когда окраины были проникнуты ненавистью къ русскому народу, послѣ всего этого трудно думать, чтобы эсты и латыши подали намъ руку.

А между тѣмъ сейчасъ мы знаемъ о дѣлахъ легіоновъ эстовъ и латышей, выступающихъ съ нами. Они и въ 1905 г. поднялись противъ своихъ угнетателей, нѣмецкихъ бароновъ, которыхъ всего 65 тысячъ на все населеніе въ остзейскомъ краѣ, но которые давили эстовъ и латышей и не давали имъ ни развиться, ни получить гражданскія права. Нѣмцы сумѣли сдѣлать это движеніе антигосударственнымъ. А мы, слѣпые кроты, не должны были душить это движеніе, такъ

какъ оно дало бы возможность развиться эстамъ и латышамъ и парализовало бы злостныя намѣренія врага, который сейчасъ отчасти скрыто, а отчасти открыто идетъ рука объ руку, исполняя задачи нѣмецкаго имперіализма. Мы знаемъ, что лойяльные балты, люди, не имѣющіе ни малѣйшаго права нарекать на русское правительство, поднимали голосъ противъ реформъ Александра III. Въ 1907 г. выступилъ бар. Врангель съ книгой: «Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи». Это бывшій директоръ Императорскаго Александровскаго Лицея и членъ Николаевской Академіи. Онъ въ своей книгѣ пишетъ: «Если бы тотъ же наблюдатель могъ заглянуть поглубже, не останавливаясь на поверхности явленій, онъ бы съ грустью убѣдился, что рознь отдѣляющая край съ внѣшней стороны, проникнула внутрь, въ сердца жителей».

Это потому, что русская власть, проснувшаяся въ 1907-8 гг., сдѣлала робкія попытки пріобщить обособленную остзейскую окраину къ теченію русской общественной жизни и сдѣлать ее не государствомъ въ государствѣ, а одной изъ тѣхъ губерній, которыя подчинялись бы законамъ всѣхъ центральныхъ губерній. Но дворянскіе ландтаги и ландраты вмѣсто исполнительной

роли играютъ тамъ первенствующую роль. Одни гонители назначались правительственной властью, а младшіе чиновники шли изъ мѣстныхъ бароновъ. Младшіе сыновья, не получавшіе маіоратовъ, шли на полицейскія должности. И такимъ образомъ весь край, все чиновничество и дѣлопроизводство на нѣмецкомъ языкѣ было заполнено нѣмецкими силами. А нѣмцы относились съ крайней враждебностью къ попыткамъ проявленія русской государственности.

Баронъ Мантейфель и Фишеръ были возмущены рѣчью представителя эстовъ и латышей Гольдманомъ, а Гольдманъ являлся прямымъ .защитникомъ интересовъ своего народа. Еще одинъ примѣръ можно привести: начальникъ Гробинскаго почтово-телеграфнаго отдѣленія имѣлъ несчастье указать, какая опасность грозитъ отъ нѣмецкаго пастора. Бар. Мантейфель переговорилъ съ кѣмъ слѣдовало, и этотъ начальникъ отдѣленія былъ уволенъ по 3-ему пункту, несмотря на то, что прослужилъ 18 лѣтъ. И такихъ примѣровъ, сколько угодно.

Весь государственный кредитъ въ краѣ въ рукахъ у нѣмцевъ, и имъ они пользуются въ 10—15 разъ больше, чѣмъ латыши, потому что латышамъ хода нѣтъ. Балты представляютъ аристократію духа, тѣла,

мысли. Учебныя заведенія — «Дейчше-ферейны» густой сѣтью покрыли весь этотъ край. Наканунѣ самой войны поднимался вопросъ о созданіи спеціально нѣмецкаго университета. Но когда, какъ громъ грянула война, и во всей неприглядной наготѣ показался этотъ край, тогда всѣ увидѣли, кто такіе балты, которыхъ лелѣяла русская власть, желавшая избавиться отъ кн. Шаховскаго и куртизанившая съ балтійскими баронами, считая ихъ перлами въ коронѣ русскаго царя.

Я не буду останавливаться на пожертвованіяхъ бароновъ. Они утопаюттъ въ безконечномъ количествѣ пожертвованій русскихъ губерній. Ихъ называть стыдно, такъ какъ они носили показательный характеръ. Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губ. дѣлали пожертвованія на дѣло войны въ лесятки тысячъ, а земскія губерніи, къ какому бы толку ни принадлежали ихъ гласные, къ радикальному или консервативному, всѣ поднялись и дали больше, чѣмъ могли и имѣли право.

Но такъ было въ прошломъ. Прошлое должно быть похоронено. Иногда исторія чему нибудь учитъ. Но, къ сожалѣнію, русскаго чиновника она ничему не учитъ. Казалось бы, можно прекратить сейчасъ то,

что дѣлалось прежде, подняться до пониманія, русскихъ задачъ, стать на государственную точку зрѣнія и выступить во всеоружіи русскаго государственнаго начала для борьбы съ врагомъ, одолѣвшимъ Россію.

Но нѣтъ этого. Сейчасъ передъ нами неоспоримые факты, указующіе на то, что русская власть, въ предвидѣніи грядущихъ событій, говоритъ, что пройдетъ война, угомонится, «шовинизмъ» по отношенію къ нѣмцамъ, какъ она называетъ чувство оскорбленнаго самолюбія, пройдутъ года, и нѣмцы опять возьмутъ силу. Предуказывая ходъ русскихъ событій, многіе изъ господъ представителей власти, которые должны были бы твердой рукой парализовать попытки нѣмцевъ захватить Россію, эти стоятъ не на высотѣ и передаютъ шагъ за шагомъ права русскаго народа тому народу, съ которымъ мы сейчасъ боремся.

Но еще мучительнѣе, обиднѣе и горше всего, то, что есть у насъ вѣдомство, гдѣ раньше стоялъ во главѣ крупный государственный человѣкъ А. К. Кривошеинъ. Когда онъ былъ у власти, то до послѣдняго времени проявлялъ твердость русскаго человѣка, не меньше, чѣмъ покойный П. А. Столыпинъ, въ національномъ вопросѣ. Но тѣ, кто были ниже его и должны были исполнять его волю.

идя по путямъ, предначертаннымъ имъ, поступили не такъ какъ слѣдовало въ предвидѣніи грядущихъ событій.

Передо мною рядъ статей. Вотъ статья Новаго Времени: «Только одни документы». Здѣсь мы видимъ вѣдомственную борьбу двухъ министерствъ; министерства Внутреннихъ Дѣлъ, указывающаго, что первоначальный проектъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія былъ основанъ на скорѣйшемъ уничтоженіи этого землевладѣнія, и другой проектъ, со стороны Министерства Земледѣлія, который съ одной стороны какъ будто велъ къ ликвидаціи, а съ другой стороны получалась такая реформа, которая не должна была привести ни къ чему.

Но что возмутительнѣе и страннѣе всего, это проектъ министерства земледѣлія, предлагающійся А. А. Риттихомъ. Тамъ предлагается цѣлый рядъ такихъ мѣръ по отношенію нѣмцевъ, передъ которыми разводишь руками, открываешь ротъ въ изумленіи и не знаешь, кто и когда его писалъ, и чьи интересы въ немъ защищаются: наши ли, или обиженныхъ нѣмцевъ, которые должны лишиться насиженной ими земли.

Вотъ нѣсколько выдержекъ: „Проектированная мѣра должна коснуться губерній Волынской, Холмской. Но представлялось

бы лишнимъ распространіемъ ея на губерніи Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую". Засимъ, дальше, въ томъ же проектѣ на стр. 11 представитель того же вѣдомства высказалъ, что «справедливость требуетъ удлиненія срока ликвидаціи». За счетъ кого? За счетъ русскаго мужика. конечно.

На стр. 17: «Землеустройство высказывается противъ примѣненія закона къ губерніямъ Херсонской и Екатеринославской, гдѣ проживаютъ нѣмецкіе колонисты, предки коихъ переселились сюда при Екатеринѣ II. Населеніе ихъ здѣсь не имѣетъ, отношенія къ германскому закону о двойномъ подданствѣ».

Развѣ это не ужасъ? Дальше проектъ министерства земледѣлія говоритъ о расширеніи площади нѣмецкаго землевладѣнія. Мы не знаемъ, какъ избавиться отъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Европейской Россіи, а они предлагаютъ дать возможность тѣмъ нѣмцамъ, которые лишатся земель въ Европейской Россіи, переселиться въ Сибирь и за Уралъ. Министерство земледѣлія кладетъ починъ выселенія и колонизаціи нѣмцевъ въ Сибири и на Уралѣ.

Дальше идти некуда. Вы не можете себѣ представить, какіе результаты даетъ нахож-

деніе нѣмецкихъ населеній въ раіонѣ военныхъ дѣйствій. Извѣстно ли было намъ, что при взятіи Ковно быстрота его сдачи зависѣла въ значительной степени отъ того, что кругомъ Ковно находились владѣнія нѣмецкихъ помѣщиковъ—крестьянъ, и не только крестьянъ, но и болѣе крупныхъ помѣщиковъ? И что для установки тяжелой нѣмецкой артиллеріи были устроены подъ видомъ лаунъ-тениса площадки, задолго до войны, давшіе возможность поставить орудія въ такихъ мѣстахъ, откуда легко можно было разгромить Ковно? И такихъ примѣровъ много. Я могу указать, что неоднократно приходилось обращаться къ правительственной власти въ Петроградѣ съ просьбой о закрытіи нѣмецкихъ колоній въ мѣстахъ расположенія войскъ, ибо при этомъ невозможна побѣда, такъ какъ шпіонажъ принималъ невозможные размѣры.

А намъ предлагаютъ дать возможность реквизированнымъ нѣмцамъ перенести свои владѣнія за Уралъ и въ Сибирь, чтобы позволить этому пауку развивать тамъ свои дѣйствія, на пагубу и погибель русскаго народа!

Это подобно тому, какъ когда то Гай Гракхъ предлагалъ мѣры, которыя должны были облегчить положеніе римскаго народа,

чѣмъ онъ и снискалъ себѣ довѣріе въ народѣ. Но знать, желая избавиться отъ ненавистнаго человѣка и парализвать демократическое теченіе, развивавшееся въ народной средѣ. выбрала жалкое орудіе для борьбы съ нимъ, а именно—Друза, который предложилъ народу болѣе широкія реформы. И непосвященная толпа народа подала голоса за Друза и отказалась отъ помощи Гракха. Народъ остался, благодаря этимъ обѣщаніямъ, безъ защитника, безъ правъ и безъ земли.

Вотъ система, которая проводится мелкими чиновниками, работавшими надъ проектомъ министерства земледѣлія. Это тѣмъ печальнѣе, что мы лишились такого представителя русской государственной власти, какъ Кривошеинъ, являвшагося самымъ выдающимся русскимъ государственнымъ дѣятелемъ, всегда извѣстнымъ своимъ пониманіемъ національныхъ государственныхъ задачъ. Толстой, Дурново, какъ и отдѣльные представители административной власти, — все это должно быть похоронено. Событія должны были оздоровить русскую правительственную власть, вернуть ее на путь правильнаго пониманія русскихъ задачъ и дать возможность вести народъ по правильному пути.

Но нѣтъ этого. Предугадывая будущія событія, мы видимъ, что въ то время, какъ льется священная кровь русскаго народа, его лишаютъ плодовъ его побѣды чиновники, не понимающіе своихъ задачъ и государственнаго долга. Я боюсь, что какъ бы ни были велики жертвы, принесенныя нами, результаты эти скажутся, и ихъ мы можемъ ожидать въ силу обстоятельствъ мною указанныхъ.

Теперь позвольте мнѣ перейти къ тому вопросу, который вытекаетъ изъ всего, что было сказано. Бисмаркъ, одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ людей, никогда не желалъ войны съ Россіей. Онъ боялся ея. Онъ открыто и откровенно говорилъ, что война съ Россіей совершенно лишняя, ибо нѣтъ тѣхъ мотивовъ и поводовъ, что должны были бы заставить этихъ двухъ соперниковъ вступить на кровавые пути.

„Ненависть Германіи къ Россіи не содержитъ ничего органическаго. Это рана, которая можетъ зажить въ любой моментъ. Ибо нѣтъ и не было причинъ для войны между Германіей и Россіей“. Въ силу этихъ причинъ, такъ долго таившаяся злоба и ненависть германскаго народа къ Россіи не проявлялась. Германія могла бы, не объявляя войны Россіи, ослабить ее путемъ

колонизаціи и расширенія вліянія ея на Руси. Но нетерпѣніе Вильгельма, 25 лѣтъ боровшагося въ извѣстномъ направленіи, не выдержало и дало толчекъ къ войнѣ. „Сначала скрытой сапой, а потомъ, какъ Богомъ избранное орудіе". Вотъ что говорилъ Вильгельмъ II по поводу работы Вильгельма I. Скрытая, медленная работа надъ подавленіемъ русскаго національнаго духа путемъ насажденія школъ (шульферейнъ) нѣмецкихъ группъ и колоній въ Балтійскомъ краѣ, путемъ усиленія нѣмецкаго вліянія. Эта работа шла изъ года въ годъ, медленно, капля за каплей просачиваясь въ русскую почву. Это была главнѣйшая причина того, что Бисмаркъ, умнѣйшій германскій политикъ и величайшій патріотъ, не желалъ войны съ Россіей, понимая, что настанетъ время, когда можно будетъ сорвать плодъ съ наименьшей затратой силъ и народа. Но были люди, которые прозрѣвали эти событія и понимали ихъ. И мы видѣли, какъ ихъ гнали съ административныхъ постовъ.

Я обращу ваше вниманіе на дѣятельность человѣка, который былъ божествомъ въ устахъ народа, и на котораго молились русскіе солдаты: это—Скобелевъ. Вы увидите, какъ, несмотря на рьяное желаніе Скобелева поднять этотъ вопросъ и указать русскому

народу на размѣры надвигающихся бѣдствій, онъ встрѣчалъ противодѣйствіе въ той средѣ, которая должна быть идти ему навстрѣчу, и въ холодномъ, равнодушномъ русскомъ народѣ, не понимавшимъ опасности, которая ему угрожала, и остававшемся безгласнымъ свидѣтелемъ того, что дѣлалось Германіей, захватывавшей наше исконное достояніе.

Есть стихотвореніе поэта Полонскаго: «Казалось, русская природа его изъ мѣди отлила . . . .». Девизомъ Скобелева въ теченіе всей жизни было: отечество, наука, свобода, славянство. 36 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ не стало незабвеннаго героя русской арміи, безсмертнаго въ рядахъ русскаго войска, но слова его живы и не умрутъ, пока жива Россія. Они видны славянству изъ отчета, даннаго имъ Государю Императору по поводу присутствія его на маневрахъ германскихъ войскъ, изъ его политическихъ записокъ, изъ рѣчей, писемъ, сужденій. Мы ведемъ войну съ Германіей, и я думаю поэтому, что для русскаго образованнаго общества, для его широкихъ круговъ, для народа болѣе, чѣмъ когда нибудь, интересно знать, что думалъ Скобелевъ о нѣмцахъ, какъ представлялъ онъ себѣ борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ.

Берлинскій конгрессъ, по его мнѣнію, положилъ начало той кампаніи, которую началъ вести тевтонскій міръ противъ славянства. «Маска дружбы была сорвана, нужно ждать слѣдующихъ шаговъ». Австро-Венгрія, состоявшая въ союзѣ съ Германіей, стремилась вмѣстѣ съ нею къ захвату балканскихъ славянъ: Польши, Финляндіи, Малороссіи, Кавказа, русской Арменіи и къ уничтоженію Россіи, какъ великой державы. Въ 1879 г. по Высочайшему повелѣнію Скобелевъ долженъ былъ присутствовать на маневрахъ 12 и 15 корпусовъ германской арміи. Отчетъ его объ этомъ появился лишь послѣ его смерти. Смерть Скобелева послѣдовала въ 1883 г., и лишь въ 1897 г. онъ издается въ военномъ сборникѣ.

«Мнѣніе генералъ-лейтенанта Скобелева о нѣмецкой арміи», такъ гласитъ отчетъ, Останавливаться подробно на немъ едва ли необходимо. Но я полагаю, что ввиду того, что Россія ведетъ войну съ Германіей, не безынтересно русскому обществу знать мнѣніе Скобелева о нѣмецкомъ солдатѣ и о нѣмецкомъ офицерѣ, ибо они сейчасъ передъ нами и не измѣнилась отъ того, что соціалъ-демократы вступили въ ихъ ряды и борются, какъ равные. Поэтому я

прочту вамъ это мнѣніе«: Всѣ роды оружія дѣйствуютъ душа въ душу: долгъ выручки развить до крайности. Дисциплина въ германскихъ войскахъ строгая и соотвѣтствуетъ окладу народныхъ понятій. Эта дисциплина не только наружная, проникающая все существо какъ офицера, такъ и солдата, и есть результатъ совокупности современныхъ народныхъ понятій, которыя суть послѣдствія поворота этого народа.

Таково было мнѣніе Скобелева о германской арміи въ 70-хъ годахъ. Впечатлѣніе, вынесенное имъ съ маневровъ, было тяжелое въ томъ смыслѣ, что Россіи придется столкнуться, а онъ вѣрилъ и зналъ, что это будетъ, не сегодня — завтра, съ очень серьезнымъ врагомъ. Онъ такъ разсказывалъ объ аудіенціи, данной ему Вильгельмомъ послѣ маневровъ:

«Его Германское Величество сидѣлъ подбоченившись на конѣ. Когда я выѣхалъ впередъ, чтобы откланяться, императоръ Вильгельмъ сказалъ: „Вы пришли сюда, чтобы видѣть все, даже до самаго нутра. Вы пришли, чтобы обозрѣть 2 корпуса, но скажите Его Величеству, что всѣ мои 15 корпусовъ, въ случаѣ надобности, сумѣютъ исполнить свои обязанности такъ же хорошо, какъ и эти два. Скобелевъ такъ и

понялъ, ибо путь на Салоники, какъ мы увидимъ дальше, и есть тотъ путь, который намѣчается германской политикой для Австріи, для захвата и колонизаніи балканскихъ славянскихъ народовъ.

Выѣхавши оттуда и добросовѣстно доложивъ Государю Императору отчетъ объ этихъ маневрахъ, Скобелевъ вынесъ твердое убѣжденіе, что путь на Константинополь долженъ быть избранъ не только черезъ Вѣну, но и черезъ Берлинъ. Я привелъ его отзывы о нѣмецкой арміи, но Скобелевъ былъ полонъ вѣры, какъ и каждый изъ насъ, въ русскаго солдата. Вотъ что онъ говоритъ о порядкѣ войны и о русскомъ солдатѣ: «Прежде надо разбить австрійцевъ, да хорошенько, тогда они отступятся отъ нѣмцевъ»...

«У нихъ такое правило, что если во время сраженія выбыло 10%, надо отступать, иначе послѣ трудно привести армію въ порядокъ. А у насъ хотя бы осталось всего 10%, мы всетаки сражаемся. Скобелевъ, вернувшись съ маневровъ германскихъ войскъ, будучи генераломъ русской службы, понималъ необходимость единенія съ Англіей и Франціей. Онъ встрѣчается съ О. А. Новиковой, сестрой ген. Кирѣева, которая всю жизнь прожила въ Англіи, была

личнымъ другомъ Гладстона и называлась неоффиціальнымъ делегатомъ въ Англіи отъ Россіи. Онъ встрѣчается у нея съ двумя англичанами, и между ними происходитъ политическій споръ. Онъ говоритъ, что предвзятое мнѣніе о томъ, что Россія добивается Индіи ложно, и заканчиваетъ бесѣду, несмотря на скептическое отношеніе англичанъ къ нему, тѣмъ, что наступитъ время, когда бы будемъ бороться съ англичанами противъ общаго врага. Этотъ врагъ-нѣмцы. Онъ искалъ, какъ и всякій выдающійся образованный русскій генералъ, войны наступательной. Прямо онъ объ этомъ не высказывался. Но, если мы посмотримъ Л. Тиваля: «Значеніе мѣстныхъ предметовъ на войнѣ», то мы замѣтимъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тиваль говоритъ, что «въ 1876 г. австрійцы вслѣдствіе своей неподготовленности къ войнѣ должны были съ самаго начала прибѣгнуть къ стратегической оборонѣ. Скобелевъ дѣлаетъ помѣтку; «какъ намъ пора этого бояться».

Какъ видите, наше несчастье заключалось въ томъ, что мы должны были прибѣгнуть къ стратегической оборонѣ. Мнѣ думается, что въ ближайшемъ будущемъ мы исправимъ ту ошибку, которая не отвѣчала задачамъ войны, какъ понималъ ее

Скобелевъ. Въ 1881 г., отправляясь въ Минскъ на маневры 4-го корпуса, онъ пишетъ Каткову письмо, обнародованное послѣ его смерти: «О нашихъ средне-азіатскихъ завоеваніяхъ въ связи съ восточнымъ вопросомъ». Вы спрашиваете. идти ли въ Персію? Зачѣмъ намъ первенство въ Персіи? Зачѣмъ намъ диверсія на юго-востокъ? Зачѣмъ намъ знать, что дѣлается въ Афганистанѣ? Вѣроятно для того, дабы когда настанетъ часъ, не быть княжествомъ Монако, или Швейцаріей, не быть Россіей, настолько грозной, чтобы не отдать нѣмцамъ на поруганіе колыбель своей вѣры, всю славу историческаго прошлаго, милліоны кровныхъ, братскихъ сердецъ.

И вотъ, 12-го января 1882 г. на обѣдѣ, въ годовщину занятія Геокъ-Тепе, въ кругу своихъ боевыхъ соратниковъ, Скобелевъ произнесъ первую свою политическую рѣчь. Надо вамъ сказать, что въ 1881 г. въ Босніи, оккупированной австрійцами, вспыхнуло возстаніе. Рѣчь касалась нашихъ задачъ на азіатской окраинѣ. но въ концѣ Скобелевъ не выдержалъ, коснулся политики и сказалъ: «Въ то самое время, когда мы здѣсь радостно собрались, тамъ, на берегахъ Адріатическаго моря, нашихъ единомышленниковъ, отстаивающихъ свою вѣру

и народность, именуютъ разбойниками и поступаютъ съ ними какъ съ таковыми. Тамъ, въ родной намъ славянской землѣ, нѣмецко-мадьярскія винтовки направлены въ единовѣрныя намъ груди. Сердце болѣзненно щемитъ. Но великимъ утѣшеніемъ для насъ вѣра и сила историческаго призванія Россіи». Онъ не договорилъ, но это была первая политическая рѣчь, произнесенная имъ. Она широко разнеслась по русскимъ общественнымъ кругамъ, эхомъ отозвалась заграницей, и у нихъ забили въ набатъ. Нападки на Скобелева начались ужасающія, переполохъ въ Германіи поднялся невыразимый. Его стали обвинять въ шовинизмѣ, упрекать въ томъ, что онъ подстрекаетъ Россію къ борьбѣ съ Германіей. А слѣдуя завѣтамъ Бисмарка, Германія не должна была воевать съ Россіей и медленно должна была просачиваться на западной окраинѣ, идти вглубь Поволжья и подготовлять къ тому, чтобы можно было въ сухую завоевать тотъ край, который всегда считался удобреніемъ для германскаго народа.

Скобелевъ не ограничился этой рѣчью, а сталъ систематически указывать на роковыя ошибки русской дипломатіи, на тѣ дѣйствія ея, которыя вели къ результатамъ,

свидѣтелемъ коихъ онъ былъ. Онъ указывалъ на то, что мы изъ чувства сентиментальности, когда прогнали Наполеона, пошли навстрѣчу Германіи, спасли нѣмцевъ и тѣмъ подготовили себѣ то, что должно было разыграться въ будущемъ. Въ обществѣ, взволнованномъ рѣчами Скобелева, начались разговоры о томъ, что мы не подготовлены матеріально, что воевать съ нѣмцами мы не можемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ денегъ, финансовъ не хватитъ, а при такихъ обстоятельствахъ, какъ говорилъ Наполеонъ, прежде всего нужны деньги, деньги и деньги, и безъ нихъ война можетъ быть только проиграна.

Скобелевъ отвѣчалъ на эти разговоры и слова его оправдываются: Ибо нельзя сказать, чтобы мы были страной богатой, чтобы народъ купался въ довольствѣ, а когда поднялось народное самосознаніе, то и финансы явились.— Скобелевъ отвѣчалъ: «Говорятъ: какъ же мы будемъ воевать, когда у насъ денегъ нѣтъ, когда вашъ рубль ходитъ 62 копейки? Я ничего не понимаю въ финансахъ, но чувствую, что финансисты-нѣмцы тутъ что то врутъ. Въ 1793 году Напалеонъ, не имѣя для солдатъ сапогъ, одежды, пищи, пошелъ на непріятеля и досталъ не только сапоги, одежду

и пищу для солдатъ, но и обогатилъ французскую казну. При Петрѣ Великомъ мы были бодры настолько, что послѣ сраженія подъ Нарвой, когда у насъ не было орудій, намъ пришлось колокола переливать на пушки. Послѣ Полтавскаго боя все измѣнилось, и съ тѣхъ поръ Россія стала великой державой». Эта экономическая экскурсія Скобелева очень напоминаетъ экскурсію въ область Бисмарка, къ которому Скобелевъ относился съ ненавистью.

Я укажу нѣсколько примѣровъ изъ военной среды. Я знаю крупныхъ генераловъ, которые затирались и затираются, потому что слишкомъ ярко замѣтно, что успѣхи которыхъ они могли бы достичь, получи они самостоятельность, были бы не по нраву болѣе бездарнымъ лицамъ, но стоящимъ выше ихъ. Скобелевъ понималъ, что когда славянскій міръ вступитъ въ единоборство съ міромъ тевтонскимъ, надо будетъ отрѣшиться отъ эгоистическихъ симпатій и интересовъ. Его слова по поводу назначенія министра иностр. дѣлъ Горчакова на мѣсто Адлерберга служатъ яркой характеристикой того теченія, которое должна была принять русская политическая мысль. «Онъ дипломатъ старой школы, можетъ быть, въ лучшемъ значеніи слова, но онъ

не политикъ. Въ нашъ вѣкъ не воскресить дипломатическихъ вліятельныхъ канцелярій, считающихъ династическія соображенія и войну наиболѣе пригодными способами дѣйствія.

Скобелевъ ѣдетъ въ Парижъ и здѣсь, когда сербскіе студенты, а сербы были тогда охвачены общественнымъ движеніемъ, преподносятъ ему адресъ, произноситъ вторую политическую рѣчь. Въ сущности это была не рѣчь и то, что было передано въ печати, соотвѣтствовало его разговору съ этими студентами. Онъ сказалъ, что мы спимъ и недостаточно понимаемъ задачи, предстоящія намъ въ историческомъ отношеніи, задачи славянства, но что настанетъ часъ, когда славянство проснется и, объединенное единымъ чувствомъ и волей, положитъ предѣлъ теченію, которое просачивается изъ Германіи. Что единственный врагъ славянства — тевтоны, старающіеся мирнымъ путемъ захватить и поработить славянство.

1892 г. отмѣчается въ жизни Скобелева рядомъ выступленій на политической аренѣ. Въ разговорѣ съ М-мъ Аданъ, подругой Гамбетты, Скобелевъ поднимаетъ славянскій вопросъ: «Я не люблю войны, сказалъ онъ,— никакая побѣда не вознаграждаетъ затрату силъ, энергіи и человѣческія жертвы. Но

есть одна война, которую я считаю священною. Необходимо, чтобы пожиратели славянъ были въ свою очередъ поглощены. Германія, я это предсказываю, будетъ когда нибудь сметена славянами. „Скобелевъ ѣдетъ въ Парижъ и тамъ произноситъ опять блестящую политическую рѣчь, вызвавшую взрывъ негодованія въ правящихъ кругахъ Россіи и озлобленіе въ Германіи, почувствовавшей въ немъ опаснаго и сильнаго врага.

«Я не имѣю вражды противъ Германіи, но почему она не удерживаетъ Австрію отъ посягательствъ? Если бы Берлинъ сказалъ: „руки прочь“: Вѣнѣ пришлось бы повиноваться. Славяне не хотятъ быть мадьяризованы, германизованы, или подъ властью іезуитовъ“. И закончилъ такъ: „Россія единственная страна въ Европѣ, гдѣ достаточно идеализма, дабы воевать изъ за чувства. Ея народъ не уклоняется отъ жертвъ за вѣру и братство“. Рѣчь Скобелева вызвала восторгъ во французскомъ обществѣ, почувствовавшемъ новое направленіе въ русской политикѣ, хотя и отъ лица, не облеченнаго полномочіями правительства для произнесенія извѣстнаго политическаго credo. Французы встрѣтили его осторженно, и французскія газеты были буквально полны статьями о Скобелевѣ. Но

Берлинъ почувствовалъ опасность, которая грозила ему отъ Скобелева. Берлинская печать всѣхъ направленій и оттѣнковъ заговорила, что появился какой то человѣкъ, пожирающій нѣмцевъ, и желающій натолкнуть Россію на войну съ Германіей. Скобелевъ отвѣчалъ: «Я не врагъ Россіи, знаю всѣ ужасы войны, но есть моменты, когда народъ долженъ все поставить на карту.

Скобелевъ зналъ Петроградъ, зналъ его бюрократическое теченіе, чиновничью трусость, наблюдающуюся особенно тогда, когда его, можетъ быть, ждала отставка. Вызванный изъ Парижа, онъ ѣдетъ въ Петроградъ. «Мнѣ не жаль ни службы своей, ни себя лично,—сказалъ онъ,—жаль только, что вліятельный Петербургъ ощущаетъ и теперь какое то блаженство купаться въ омутѣ отечественнаго униженія.

Какъ справедливы слова, сказанныя имъ послѣ русско-турецкой войны, по сравненію съ тѣмъ, что переживаетъ Россія сейчасъ. Мы были ослаблены японской войной. Но не является ли выступленіе Германіи, продолжающееся второй годъ, результатомъ непониманія истиннаго состоянія Россіи? Солдаты наши, видя побѣду нѣмцевъ, сначала опѣшили, но сейчасъ, къ веснѣ у насъ будетъ армія, болѣе сильная, чѣмъ въ первый

годъ войны, съ настроеніемъ и духомъ, болѣе твердымъ и прочнымъ чѣмъ то, которое сейчасъ замѣчается въ рядахъ германской арміи. Скобелевъ, вернувшись въ Петроградъ, скорбѣлъ о томъ, что встрѣчаетъ кругомъ себя глубокое непониманіе того, что происходитъ вокругъ, непониманіе германскаго настроенія и главное тѣхъ германскихъ теченій общественной мысли, которыя мало по малу старались захватить такъ или иначе Россію. Эти мысли Скобелева, завѣтные и тайные идеалы провѣряются цѣлымъ рядомъ писемъ и въ письмахъ его къ личному другу И. С. Аксакову, гдѣ Скобелевъ открыто жалуется на то, что русское правительство совершенно не національно, что между нимъ и народомъ глубокая, непроходимая пропасть (къ сожалѣнію, еще и сейчасъ непроходимая), что между ними нѣтъ того общенія, которое должно было бы быть, что правительство не соль народа и не имѣетъ ничего общаго съ тѣми путями, прогресса и свободы по которымъ хочетъ идти русскій народъ. Скобелевъ въ этихъ письмахъ и мемуарахъ, пишетъ о томъ, какъ встревожилась Пруссія какъ она взволновалась отъ его рѣчей, передъ сербскими студентами. Онъ возмущается и той политикой, что Германія навязывала Россіи.

Впервые изъ устъ русскаго генерала мы слышимъ негодованіе по поводу раздѣла Польши и по поводу того, что раздѣлъ долженъ былъ быть произведенъ между Россіей, Австріей и Германіей. Правда, онъ извиняетъ Россію, она менѣе виновата въ томъ, что произошелъ раздѣлъ, но она виновата, что согласилась отдать славянскія земли на растерзаніе германскому орлу.

Слова его и въ этомъ отношеніи оправдываются, ибо мы грѣшны во многомъ противъ Польши, что доказываетъ поведеніе поляковъ въ настоящую тяжелую годину, когда они могли бы отойти отъ насъ. А между тѣмъ всякій изъ насъ, кто работаетъ въ тылу, или на фронтѣ въ организаціяхъ Краснаго Креста, я не говорю уже о дѣйствующей несравненной арміи, знаетъ, что именно встрѣтили мы со стороны польскаго населенія въ предѣлахъ Варшавской и Радомской губ., прилегающихъ къ германскимъ землямъ. Кромѣ сочувствія, поддержки и радушія, ничего другого со стороны поляковъ мы не видѣли.

Чѣмъ дальше подвигается Скобелевъ въ жизни, чѣмъ онъ ближе къ смерти, тѣмъ больше разочарованій накапливается у него.

Больше всего и сильнѣе всего онъ высказывается про коспополитизмъ и непони-

маніе историческихъ задачъ русской политической власти. На одной изъ книгъ, по поводу отсутствія связи между народомъ и правительствомъ, Скобелевъ дѣлаетъ отмѣтку: «Считаю интереснымъ документомъ». Предчувствія Скобелева передъ смертью были тѣ же. Онъ чувствуетъ, что близокъ часъ, несомнѣнный часъ борьбы между тевтонскимъ и славянскимъ міромъ: „Я чувствую, не за горами новая, страшная война. И я увѣренъ, что борьба рѣшится въ нашу пользу. Но мнѣ не придется видѣть всего этого. „Такъ говорилъ онъ любимому адьютанту Д. . . . . .

Скобелевъ умираетъ. Его смерть была русскимъ національнымъ горемъ. Она вызвала неописуемый восторгъ во всей нѣмецкой печати, не постѣснявшейся цинично и откровенно высказать радость по поводу утраты Россіей выдающагося полководца и крупнаго общественнаго дѣятеля: „Ну, и этотъ теперь не опасенъ, пусть русскіе славѣнисты плачутъ у гроба Скобелева. Что касается насъ, нѣмцевъ, то мы довольны смертью рьянаго врага. Никакого сожалѣнія мы не испытываемъ“.

Быть можетъ Скобелевъ ошибался, быть можетъ, онъ предвидѣлъ то, что не должно было случиться, быть можетъ, онъ не пони-

малъ истинности положенія, и опасность грозившая намъ отъ нѣмцевъ, не была, такъ велика, какъ онъ говорилъ и писалъ. Но вѣдь самое больное воображеніе, самая дикая фантазія блекнутъ передъ горькой дѣйствительностью, свидѣтелями которой мы являемся. Все то, что можетъ вообразить человѣкъ, и что можно написать, показалось бы ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ медленнымъ нѣмецкимъ движеніемъ, которое постепенно все глубже и глубже проникало въ Россію и застало ее въ моментъ войны врасплохъ, неподготовленной, неспособной совладать съ этимъ движеніемъ и положить ему предѣлъ.

Нигдѣ такъ широко не разлилась нѣмецкая колонизація, какъ въ Россіи, и нигдѣ, никакое правительство не было такъ преступно передъ народомъ въ прошломъ, какъ русская правящая власть, которая, желая добиться развитія культурныхъ началъ въ Россіи и привить ихъ народнымъ массамъ, пустила въ него громадную волну, чужую, враждебную ему, съ совершенно другимъ народнымъ міросозерцаніемъ, пустила въ народъ, не подготовленный къ защитѣ отъ наступленія иноплеменнаго движенія. Волна эта не могла слиться съ русскимъ народомъ и осталась такой же

обособленной, независимой и озлобленной, какъ и та нѣмецкая волна, въ Остзейскомъ краѣ, и еще больше та волна, что заполнила Бессарабскую, Херсонскую, и приволжскія губерніи, Екатеринославскую, Таврическую и цѣлый рядъ другихъ губерній нашего благословеннаго юга. Если вы хотите, гг., ознакомиться съ той борьбой, которую пришлось вести въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ въ Остзейскомъ краѣ русской правительственной власти съ дворянскими политическими воззрѣніями бароновъ, возьмите трудъ Невѣдомскаго, и вы увидите здѣсь, что всякій разъ, какъ что нибудь дѣлалось въ Остзейскомъ краѣ въ русскихъ интересахъ, вопросъ становился не русскимъ государственнымъ вопросомъ. Нѣтъ, горе намъ, вопросъ становился вопросомъ германскимъ. Въ германскомъ рейхстагѣ, въ германскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ разсматривались мѣропріятія, предпринимавшіяся по волѣ русскаго правительства и по волѣ русскаго Царя. Тамъ били въ набатъ и требовали отмѣны ихъ. И на наглыя выступленія остзейскихъ бароновъ, посягавшихъ на русское національное чувство, мы не могли ничѣмъ отвѣтить, принимали плевки въ лицо и не давали взаимнаго отвѣта.

Но это еще меньшее зло. Остзейскій край съ его баронствомъ и съ привилегіями это не то зло, о которомъ стоитъ говорить и стоило бы громко кричать въ народной средѣ. Есть зло гораздо худшее. Это нѣмецкая колонизація. Я припоминаю далекіе годы, когда я былъ секретаремъ Аккерманской земской Управы. Позвольте, вмѣсто того, чтобы давать голые факты, развернуть статистическія данныя, нѣсколько страничекъ изъ исторіи Аккерманскаго земства, и вы представите себѣ, что такое нѣмцы-колонисты на благословленныхъ поляхъ Бессарабіи.

Представьте себѣ богатое, плодоносное мѣсто. Вы подымаетесь на гору и видите вмѣсто русскаго села, вмѣсто молдавскихъ и малороссійскихъ избушекъ, цѣлую линію нѣмецкихъ домовъ, бѣлыхъ съ синей около оконъ и дверей окраской. Ни одного слова по-русски, а поселены они здѣсь въ 1817 году. Женщины, являющіяся во всякомъ народѣ и націи оплотомъ и охраной самобытнаго развитія народа, остались цѣлыми и нетронутыми, несмотря на столѣтнее пребываніе нѣмцевъ-колонистовъ на русской почвѣ. Надѣлы нѣмцевъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ огромны. Они имѣютъ по 60—70 дес. на душу. Но, если кусокъ

земли пріобрѣтенъ нѣмцемъ сверхъ надѣла, никогда этотъ кусокъ земли изъ нѣмецкихъ рукъ выпущенъ не будетъ, ибо многіе изъ нихъ какъ будто выселяются въ Америку, но выселяющіеся обязаны передать эту землю своему, нѣмцу, но отнюдь не русскому человѣку. И они имѣютъ возможность это сдѣлать, ибо имѣютъ широкій кредитъ.

Я говорилъ, что партіи есть у всякаго народа. Конечно, нѣмцы, живущіе въ Аккерманскомъ уѣздѣ, это частное явленіе, но его можно обобщить: они партій не имѣютъ. Я вспоминаю выборы въ 1-ую Государственную Думу. Я вспоминаю залъ, гдѣ должны были собраться русскіе, молдаване, болгары, вспоминаю колоссальное количество нѣмцевъ всѣхъ партій, и какъ среди нихъ бродили малочисленныя группы русскихъ и другихъ, разъединенныя, не столковавшіяся. Тогда нѣмцы забыли, что такой то среди нихъ соціалъ-демократъ, а такой то кадетъ. Они пошли въ уголъ, и эта громадная толпа вынесла рѣшеніе, кого выбрать изъ нѣмецкой среды. И такъ рѣшила, чтобы не пропустить ни одного изъ русскихъ, несмотря на то, что тамъ нѣмецкихъ волостей меньше, чѣмъ русскихъ. Изъ русскихъ же они выбрали самую дрянь, пьяницу, человѣка, котораго можно купить за рубль, и который будетъ

цѣловать и лизать ихъ ноги. Они выбрали и сказали: „Ты пойдешь за нами. Мы выбрали тебя для того, чтобы ты слушалъ насъ".

Вотъ что происходило въ моемъ уѣздѣ и живымъ свидѣтелемъ чего я былъ при выборахъ въ 1-ую и 2-ую Государственную Думу. При выборахъ въ 3-ью Думу правительство поняло, что нельзя давать преимущества инородческому населенію и забывать свой народъ. Оно дѣйствительно дифференцировало и парализовало это зло, но тѣмъ не менѣе и въ настоящее время, если происходятъ земскіе выборы въ Херсонской, Бессарабской, Таврической губ., гдѣ есть нѣмцы, хотя ихъ вдвое меньше, чѣмъ русскихъ, я увѣренъ, что нѣмцы будутъ законодателями всегда, а остальные должны будутъ подчиняться ихъ волѣ и желаніямъ. А голодный годъ! Опять другая картина. Я не могу забыть картинъ голоднаго года и систематическаго обогащенія нѣмцевъ за счетъ русскаго народа, и обѣдненіе русскаго народа и хожденіе его отъ собственнаго надѣла къ нѣмцамъ въ батраки. Нѣмцы имѣютъ земли, дающія громадный капиталъ. они имѣютъ кредитъ, такъ какъ они богаты. Ивъ то время, когда на земскихъ собраніяхъ мы споримъ о ссудѣ, которую должны выдать на голодъ, въ то время, когда губернаторы

спорятъ о томъ, голодъ это или недородъ, какъ хочетъ министръ, если онъ хочетъ, чтобы это былъ голодъ, согласимся съ этимъ, а хочетъ недородъ, и съ этимъ согласимся, чтобы не потерять мѣста, когда мы скащивали суммы, на которыя долженъ былъ быть купленъ хлѣбъ, — въ это время цѣны растутъ, такъ какъ евреи скупаютъ хлѣбъ, чтобы продать его подороже. А нѣмцы занимаютъ деньги, не спрашивая у правительства, есть ли это голодъ или недородъ, такъ какъ они знаютъ, что хлѣбъ не уродилъ. И русскій мужикъ свою жалкую десятинку, которую купилъ послѣ долгихъ трудовъ, отдаетъ въ аренду нѣмцу, а самъ идетъ въ батраки. Послѣ каждаго голоднаго года и недоѣданія мы видимъ одну и ту же картину: уменьшеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, не надѣльнаго, а пріобрѣтеннаго на собственныя деньги, и переходъ этихъ земель къ нѣмцамъ. А у нѣмцевъ—большую площадь хозяйства въ неурожайные годы, чѣмъ обычно. Славяне бѣднѣютъ, и на ихъ землѣ вырастаетъ самобытная культура, не считающаяся съ укладомъ русской жизни— нѣмцы, являющіеся проводниками пангерманскаго теченія на югѣ Россіи. Откуда пошло это? кто призвалъ эту окрылившуюся

саранчу? Зачѣмъ она здѣсь? Неужели мы не можемъ сами поработать надъ своей землей? Неужели мы лишены возможности двигаться впередъ, можетъ быть медленно, отставая отъ вѣка, но идя за вѣкомъ, прогрессируя въ развитіи и культурѣ?

Горе намъ! Это единственное, что можетъ быть и должно быть отвѣтомъ на это. Какъ слѣпые кроты, общество и, главнымъ образомъ, правительственная власть прозѣвала движеніе, выросшее въ крупное общественное бѣдствіе, которое продолжалось до начала войны. Мы проспали цѣлую страницу своего историческаго прошлаго, заливая теперь пожаръ войны кровью своихъ сыновъ больше, чѣмъ нужно, такъ какъ много посторонняго элемента на почвѣ Россіи, въ качествѣ шпіоновъ и соглядатаевъ продаетъ русскую арміи нѣмцамъ. Стремленіе нѣмцевъ на востокъ исконно и старинно. Передо мною интересная книга И. Сергѣева „Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами“. Вотъ что мы читаемъ на 1-ой стр. этой книги: „Пасторъ Дальтонъ, посѣтившій Россію, Черноморскія степи и Приволжскій край, въ 1862 г. писалъ: „Всюду гамъ встрѣчаешь только нѣмецкую рѣчь, только нѣмецкіе обычаи только нѣмецкій строй жизни“.

Просмотрите другую книгу Велицына. Сплошной ужасъ охватываетъ отъ данныхъ, приводимыхъ въ этой книгѣ. Кто же помогъ? Кто призвалъ? Кто далъ возможность этой саранчѣ появиться въ Россіи? Мы не способны на долгую, и систематическую борьбу со зломъ разъѣдающимъ нашу общественную и государственную жизнь. Къ сожалѣнію это было во время правительства Павла Петровича и правительства Александра 1. Вотъ виновники того движенія, которое захватило Россію и въ настоящее время составляетъ величайшій бичъ русской общественной и государственной жизни. Вотъ документы, отъ коихъ волосы становятся дыбомъ и дѣлается страшно.

„Послѣ манифеста 4-го декабря и 22 іюля (іюнь) 1763 г., данныхъ Екатериной II, началась колонизація Россіи нѣмцами. Доступъ ихъ въ нашу страну былъ открытъ изъ соображеній общегосударственной пользы, а именно — заселенія пустыхъ земель. Въ этомъ усматривалась даже польза для русскихъ людей. Колонистамъ оплачивались путевыя издержки, ихъ избавляли отъ податей и выдавали матеріалы на постройку домовъ. „При Павлѣ Петровичѣ это движеніе приняло болѣе глубокій характеръ. О нѣмцахъ колонистахъ была

проявлена еще большая заботливость. Въ это время нѣмецкій языкъ получилъ офиціальную санкцію въ сношеніяхъ и дѣлахъ нашего внутренняго управленія съ колоніями". Дальше въ книгѣ стоитъ нѣчто совершенно исключительное и возмутительное. „Въ царствованіе Императора Павла была казенная продажа вина. А такъ какъ замѣчалось, что тамъ, гдѣ открывались кабаки, нѣмцы были менѣе домовиты, то рѣшено было перенести кабаки изъ нѣмецкихъ колоній въ русскія селенія", Далѣе, въ царствованіе Александра 1 Благословеннаго продолжалась та же политика съ еще большей интенсивностью, хотя первое ограниченіе замѣчается въ царствованіе Александра 1.

Я не даю статистическихъ данныхъ, такъ какъ это завело бы насъ далеко, но укажу, когда было создано первое ограниченіе, парализовавшее колонизацію. Казалось бы, она должна была бы прекратиться, ибо русское правительство стало ихъ давить и стѣснять. Но ничуть не бывало. Нѣмцы нашли другія средства, дававшія имъ возможность глубже проникать въ Русскую Имперію. „Съ 1800 г. по 1864 г. т. е. въ тотъ періодъ, когда была прекращена выдача пособій и рѣшено было правитель-

ствомъ положить конецъ нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, было основано 424 колоніи съ 225.694 душами мужского пола имъ принадлежало 2.104.082 десятины земли". Такъ пишетъ Сергѣевъ.

Это было въ 1864 г. Но съ 1864 г. прошло болѣе 50 лѣтъ, а я могу смѣло сказать, опираясь на знаніе мѣстныхъ условій, покупки нѣмцами земель въ Бессарабской, Херсонской и др. губ., что это количество земель удесятерилось, а количество населенія увеличилось въ пять разъ. У нихъ есть свое собственное громадное количество земли, дес. 30-60-65 и болѣе. Люди, имѣющіе 65 дес. и ведущіе домовитую жизнь, а нѣмцы этимъ отличаются, не могутъ не богатѣть. Германское правительство до объявленія настоящей войны, зорко слѣдило не только за развитіемъ колоній, но и за развитіемъ спеціально нѣмецкаго духа въ этихъ колоніяхъ, поддерживая ихъ матеріально и духовно.

Были неоднократные случаи совершенно открытаго выступленія нѣмецкаго посла, обращавшагося къ П. А. Столыпину всякій разъ, какъ нѣмецкимъ колоніямъ въ Россіи въ приволжскихъ въ Бессарабской и др. губ. грозили какія нибудь непріятности. Онъ указывалъ на могущія быть осложненія

въ случаѣ препятствій со стороны Россіи къ самобытному развитію германскаго народа на передовыхъ форпостахъ. Естественно, что даже человѣкъ съ такимъ ярко выраженнымъ національностическимъ характеромъ, какъ П. А. Столыпинъ, стѣснялся проводить мѣропріятія, которыя вызывали недовольство германскаго посла. Понятно поэтому, что въ 1896 г., когда нѣмцы добивались открытія нѣмецкихъ школъ, и имъ было отказано, то это возбудило ихъ сильное неудовольствіе.

Я отказываюсь отъ подробнаго перечня тѣхъ захватовъ, которые дѣлали нѣмцы на югѣ Россіи и въ Прибалтійскомъ краѣ, но вотъ, что замѣчалось до объявленія войны въ дѣлѣ заселенія въ Россійской Имперіи нѣмецкихъ силъ. Пусть русская правительственная власть была въ положеніи слѣпого крота, пусть она ничего не видѣла, но нельзя допустить столь планомѣрнаго, стройнаго, послѣдовательнаго теченія и развитія нѣмецкой колонизаціи въ Россіи. Нѣтъ, тутъ видна какая то рука, болѣе сильная, болѣе властная, гораздо болѣе продуманно работающая надъ колонизаціей въ Россіи, чѣмъ рука русскаго правительства, въ безуміи своемъ рубившаго сукъ, на которомъ оно само сидѣло. Гдѣ же находилась

рука, гнавшая нѣмецкую колонизацію на Волгу и на югъ Россіи? Что должно было ждать насъ и что ждетъ насъ если мы проиграемъ эту войну, если не сумѣемъ совладать съ внѣшнимъ врагомъ? Мы должны сдернуть эту пелену, и это намъ тѣмъ легче сдѣлать, что сами нѣмцы намъ въ этомъ помогаютъ. Мы кричимъ: „Свѣту!“, какъ когда то кричалъ Гете. Они сами освѣщаютъ задачи, которыя преслѣдуютъ для захвата нашего юга.

Вышла замѣчательная книга Фанъ деръ Флита: «Всенѣмецкое движеніе, какъ факторъ европейской войны». Авторъ былъ представителемъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ Дармштадтѣ.

„Къ чему стремится Германія“? Фанъ деръ Флитъ приводитъ рѣчь Императора Вильгельма II къ студентамъ въ Бонѣ 1901 г. Вотъ эта рѣчь: „Обновленная Германія не схожа по своему строю съ былой, современной Римской имперіи нѣмецкой націи, и дальнѣйшее ея развитіе ищетъ себѣ иныхъ путей». Въ концѣ рѣчи, онъ сказалъ студентамъ: «Вы германцы нѣмецкой земли, граждане строго ограниченной нѣмецкой націи, и вы всѣ призваны готовиться, чтобы служить въ будущемъ ея благу и развитію» т. е. иначе говоря, надо соединить

въ Германіи всѣ тѣ земли, гдѣ находятся нѣмцы и нѣмецкій элементъ. Въ этомъ же духѣ высказывается извѣстный въ Германіи авторитетъ Г. Ф. Трейчке сказавшій: «Древняя Германія тянулась за пріобрѣтеніемъ странъ, которыя не могли быть включены, какъ жизнеспособные члены въ національный организмъ государства. Мы вдались въ пассивный космополитизмъ и поплатились впослѣдствіи за эти наши грѣхи». Всенѣмецкое движеніе началось въ 1892 г. и выразителемъ его является «Всенѣмецкій союзъ», пользующійся правительственной субсидіей, несмотря на то, что онъ во многомъ расходится съ программой Императора Вильгельма, такъ какъ Вильгельмъ говоритъ, что будущее Германіи на моряхъ, а союзъ отъ этого отказывается. Но тѣмъ не менѣе вліяніе союза такъ велико и значеніе его работы такъ сильно, его идеи такъ глубоко всосались въ народныя массы, что идеалы, пропагандирующіеся этимъ союзомъ, его задачи являются достояніемъ всего нѣмецкаго народа. Такъ что въ случаѣ побѣды надъ Россіей и требованія мира, мирный договоръ будетъ заключенъ въ духѣ требованій этого союза. Программа союза заключаетъ главныя требованія его: 1) «Поднятіе отечественнаго

самосознанія и противоборствованіе всѣмъ вреднымъ національному развитію теченіямъ. 2) Поддержка нѣмецкихъ національныхъ стремленій во всѣхъ странахъ, гдѣ приходится бороться за сохраненіе своей самобытности. 3) Поощреніе политики, направленной къ защитѣ нѣмецкихъ интересовъ въ Европѣ и заокеанскихъ странахъ. Особливо—нѣмецкой колоніальной дѣятельности. Капиталы союза составляются изъ членскихъ взносовъ, но главное — правительственная субсидія. Кромѣ обычнаго фонда союзъ имѣетъ 1903 г. особый боевой фондъ, образуемый изъ посильныхъ пожертвованій и добровольныхъ налоговъ членовъ союза. Вы думаете, что главное поле дѣятельности союза Россія? Нѣтъ, Австрія, такъ какъ намѣренія нѣмцевъ, несмотря на союзъ съ Австріей, клонятся къ непремѣнному оттягиванію тѣхъ земель отъ Австріи, гдѣ есть нѣмецкій элементъ. Но разница въ томъ, что въ то время, какъ нѣмцы не стѣсняются давать на страницахъ своихъ ученыхъ трудовъ названія фамилій и именъ агентовъ союза, работающихъ въ Россіи, въ Австріи, изъ политическихъ видовъ, фамилій и именъ агентовъ не называютъ. Союзъ этотъ имѣетъ спеціальное книгоиздательство въ Мюнхенѣ

Леманса, поддерживаемое правительствомъ. Главный дѣятель, проф. Лейпцигскаго университета, д-ръ Эрнотъ Іоссе умеръ и теперь тамъ предсѣдательствуетъ адвокатъ Клоссъ.

Чтобы опредѣлить, изъ чего должна состоять будущая Германская Имперія, союзъ ставитъ себѣ задачей вопросъ: какія бываютъ государства?, и указываетъ, что государства современнаго міра должны быть раздѣлены на два типа: на государства съ разноплеменными народностями и на національныя государства. Къ первымъ государствамъ т. е. разноплеменнымъ, относятся Россія, Австрія, Бельгія и Швейцарія ко вторымъ—Франція, Англія, Италія, нѣкоторыя балканскія государства и С.-Американскіе Штаты. Германія должна перейти изъ типа территоріальнаго государства къ типу національнаго, замкнутаго, дабы она включала въ себѣ нѣмцевъ и тѣ иноплеменническія группы, которыя могутъ быть нѣмцами всосаны, ассимилированы, которымъ можетъ быть привито нѣмецкое міросозерцаніе. Разница здѣсь въ томъ, что въ то время, какъ Англія говоритъ, что ея задача не въ томъ, чтобы обращать другія народности въ англичанъ, Германія согласно духу и требованіямъ буквы этого союза, говоритъ,

что въ составъ Германіи должны входить нѣмцы всѣхъ оттѣнковъ и наименованій и тѣ народности, которыя могутъ быть нѣмцами ассимилированы, могутъ воспринять нѣмецкую культуру и стать нѣмцами, Задачи, выдвигаемыя этимъ союзомъ, весьма обширны.

Главная задача союза, само собою разумѣется, нѣмецкій народъ. «Иноплеменники не должны быть признаны сразу полноправными нѣмецкими гражданами, ихъ нужно ограничить въ правахъ. Нѣмецкій языкъ долженъ быть господствующимъ. Рекомендуется германизація поземельной собственности на окраинахъ и заселеніе Польскихъ областей, Шлезвига и Лотарингіи. Затѣмъ эмиграція и имиграція. На этихъ вопросахъ союзъ долго останавливается и съ горечью указываетъ, что въ Германіи громадное количество лицъ, отливающихъ заграницу, а особенно въ Америку. Но нѣмецъ, гдѣ бы онъ ни былъ, остается нѣмцемъ и можетъ быть даже шпіономъ для своего отечества. Эмиграція дѣлится на два вида: на эмиграцію въ Россію, не считающуюся зломъ, какъ эмиграція въ Америку, такъ какъ эмигрирующіе за океанъ помощи оказать не могутъ. Эмиграція въ

Россію является колонизаціей нѣмецкихъ элементовъ. „Въ Америкѣ много тѣхъ нѣмцевъ, которыя могутъ возвращаться обратно. Если же добыть нѣмцевъ обратно нельзя, то надо заполучать тѣхъ, кто близки къ нѣмецкой культурѣ и скорѣе могутъ ассимилироваться, какъ то: финляндцы, литовцы, мазуры, русины наиболѣе онѣмеченные изъ славянскихъ племенъ и наиболѣе ярые противники славянскихъ идей.

„Въ Австріи нѣмцевъ 12 милліоновъ по сему необходимо сліяніе съ Германіей Австрійскихъ областей». Затѣмъ далѣе союзъ требуетъ нѣмецкой независимости отъ римской куріи. Хотя Вильгельмъ и куртизанится съ Папой и цѣлуетъ ему руку, и ногу, но не допускаетъ зависимости отъ римской куріи нѣмцевъ и вліянія ея на нѣмцевъ-католиковъ, проживающихъ въ Германіи. Пункты 10-12 касаются династическихъ вопросовъ, я ихъ пропускаю, такъ какъ они не имѣютъ никакого значенія. 12-мъ пунктомъ требуется: за тѣ земли, которыя покупаются иностранцами въ Германіи, чтобы не меньше этого нѣмцы могли покупать въ другихъ странахъ. Просмотрѣвъ программу союза, напрашивается вопросъ: каковы же взгляды Германіи по отношенію къ сосѣдямъ?

Въ Европѣ нѣмцевъ 32%, а въ Германіи 67%. Поэтому надо поддерживать нѣмцевъ, живущихъ въ Европѣ. И дѣйствительно, въ то время, какъ недавно на поддержку нѣмцевъ, живущихъ въ другихъ странахъ, германское правительство тратило 150 тысячъ, теперь на эту цѣль тратится 850 тысячъ въ годъ. Эти цифры, безспорно, преуменьшены, и сдѣлано это нарочно, такъ какъ многіе §§ устава, многія данныя, такъ отпечатанныя, могутъ попасть заграницу. Поэтому истинныя цифры скрываются. Выдвигая такую программу, ставится вопросъ: какъ же должна расшириться Германская Имперія, чего она должна добиваться отъ своихъ сосѣдей, чтобы получить тотъ національный идеалъ и идти навстрѣчу тѣмъ имперіалистическимъ тенденціямъ, которыя высказывались въ цѣломъ рядѣ ученыхъ трудовъ и въ рѣчахъ Вильгельма? Есть два пути увеличенія: 1)—увеличеніе таможенными союзами. 2)—включеніе въ территорію другихъ государствъ. Но какъ должно произойти это включеніе? Откуда взять земельный фондъ? Гдѣ достать ту землю, которая должна войти въ составъ Германской Имперіи? По мнѣнію союза: „Территоріальное развитіе Германіи можетъ совершиться за счетъ другихъ великихъ народовъ“.

Изъ этого ясно вытекаетъ путь, по которому должна идти нѣмецкая политика завоевательнаго характера.

Спрашивается: что взять отъ Россіи? „На подобіе промежуточныхъ раіоновъ на западѣ существуютъ, по словамъ Гассе, области на восточномъ фронтѣ Германіи, а именно: окраины съ польскимъ, финляндскимъ, эстонскимъ, лифляндскимъ и литовскимъ населеніемъ".

Они боялись усиленія Австріи за счетъ польскихъ земель, ибо Австрія можетъ стать вмѣсто германской—славянской. Гассе резюмируетъ высказанный взглядъ въ слѣдующихъ пунктахъ: „1) Германія должна препятствовать всѣмъ стремленіямъ, имѣющимъ цѣлью возрожденіе независимой Польши. 2) Не допускать Австрію пріобрѣтать какія либо части польскихъ областей, принадлежащихъ Россіи. 3) Содѣйствовать присоединенію къ Россіи польской части Галиціи, за извѣстныя уступки въ пользу Германіи. 4) Въ случаѣ побѣдоносной войны, Германія должна возвратить себѣ утраченную въ 1915 г. область отъ Кракова до Гродно, включая Варшаву, должна оставаться неприкосновенной; за то слѣдуетъ поощрять націонализацію полосы земли, между нѣмецкой и русской площадью населенія, при

воздѣйствіи нѣмецкой культуры содѣйствовать развитію ея самоуправленія". Эти пункты будутъ, несомнѣнно, выдвигаться при вопросѣ о мирѣ. Нѣмцы компенсируются, а Россія получаетъ Галицію.

Нѣтъ шовинизма въ томъ, что Германія должна дойти до Владивостока. Тутъ обдуманъ каждый шагъ съ нѣмецкой аккуратностью, т. е. все то, что можетъ задержать объединеніе Германіи въ смыслѣ націоналистическомъ, должно быть отброшено, какъ бы заманчиво оно ни было. Т. е., несмотря на то, что война принимаетъ ожесточенный характеръ, въ случаѣ побѣды Германія захватитъ очень много. Но она ставитъ предѣлы, такъ какъ боится, что расширеніе германской территоріи за счетъ русскихъ областей съ населеніемъ не германской крови не усилитъ Германію, а ослабитъ. „Въ пунктѣ 7) говорится: Территорія, заселенная великорусскимъ племенемъ.

Въ Германіи какъ извѣстно, находятся русскіе плѣнные. И Германія подготовляетъ этихъ нашихъ плѣнныхъ, революціонизируя ихъ для задачи, которую она преслѣдуетъ. Офицеры на это не поддаются, но солдаты, поддаются и подготовляются въ смыслѣ сепаратическихъ тенденцій, какъ напримѣръ, магоме-

тане. Такъ для малороссовъ издается спеціальная газета для плѣнныхъ, чтобы каждая народность могла развиваться, вернувшись въ Россію. Такимъ образомъ развивается центробѣжная сила, уходящая отъ центра, которая должна расшатать русскій организмъ. Все предусмотрѣно такъ, что всѣ плѣнные разбиты на группы: малороссы. татары, армяне, и надъ ними работаютъ сейчасъ во время войны, издавая для нихъ газеты, пропагандируя, революціонизируя плѣнныхъ. Мы этого, къ сожалѣнію, сдѣлать съ нѣмцами не можемъ, такъ какъ вообще нѣмцы не могутъ представлять продуктъ, годный для этого, какъ представляютъ нѣкоторыя наши народности, которыя еще до войны были революціонизированы массой журналовъ на собраніяхъ нашихъ крайнихъ лѣвыхъ теченій.

Какъ важное требованіе выставляется Гассе слѣдующее: „Оказаніе возможнаго содѣйствія и поощреніе стремленій Австріи къ Салоникамъ и Россіи на Дальній Востокъ и въ среднюю Азію". Что касается прибалтійскихъ провинцій, то, какъ ни странно, союзъ не желаетъ присоединенія ихъ къ Германіи, потому что тамъ только 65 тысячъ Остзейскихъ бароновъ, а эстовъ и латышей больше, и подавить самобытный

духъ ихъ невозможно. Это ослабило бы германскій организмъ. Нѣмцы считаютъ колонизацію въ Россіи ничѣмъ инымъ, какъ выходомъ на свои собственныя земли. Этого они добивались, введя сперва законъ о двойномъ подданствѣ, такъ какъ колонисты скорѣе нѣмецкіе подданные, чѣмъ русскіе. Мы видѣли въ заѣзжихъ домахъ въ колоніяхъ, что въ парадныхъ комнатахъ для всѣхъ пріѣзжающихъ висятъ портреты Императора Александра III и Императрицы Маріи Федоровны, а на другой половинѣ—Бисмаркъ, Вильгельмъ и т. д. Затѣмъ вы можете увидѣть, какъ при въѣздѣ губернатора, нѣмецкій оркестръ колонистовъ сыграетъ для всѣхъ „Боже, Царя храни"!, а для себя: „Вахтъ амъ Рейнъ" и „Deuchlanb über alles". Итакъ, повторяю, Остзейскій край не привлекаетъ нѣмцевъ. Они отпечатали карту. Эту карту слѣдовало бы въ массѣ экземпляровъ дать русскому народу. Эта карта лучшее, наглядное доказательство того, что представляетъ изъ себя Юго-Западная часть Россіи.

Что должно стать дальше съ Австро-Венгріей? „Что касается Австро-Венгріи, то всенѣмецкая программа считаетъ исторической ошибкой, что въ 1866 г. Пруссіей не были захвачены части Богеміи и Австрій-

ской Силезіи. Интересы національной Германіи требуютъ именно поддержанія и развитія преобладанія нѣмецкаго племени въ Дунайской Имперіи". Она, находитъ что можно разсчитывать, что Австро-Венгрія обратится въ нѣмецкое, а не въ славянское государство. Тогда она получитъ право на самостоятельное существованіе. Но, если есть хоть малѣйшее доказательство, что она утратитъ свой нѣмецкій характеръ, хотя въ ней меньше нѣмцевъ, чѣмъ славянъ, то она должна быть подѣлена такъ, что Германія должна получить все нѣмецкое населеніе, а другія ея части должны отойти къ тѣмъ странамъ, которыя получивъ одну изъ такихъ частей Австро-Венгріи, не усилились бы, а только значительно ослабѣли бы.

Такимъ образомъ, говорится уставомъ этого союза, если будутъ осуществлены нѣмецкіе идеалы, поставленные во главѣ угла этого устава, Германія не только достигаетъ міровой политики и не только будетъ способна проводить свои идеалы и тенденціи, но это приведетъ ее и къ другой побѣдѣ, къ экономической побѣдѣ надъ всѣмъ міромъ, что связано одно съ другимъ совершенно неразрывно: „Всасывая въ себя сосѣднія народности, площадь германскаго

вліянія должна раскинуться со временемъ, отъ нѣмецкаго и Балтійскаго моря, включая Голландію, Люксембургъ и Швейцарію, черезъ придунайскія области, Балканскій полуостровъ и Малую Азію до Персидскаго залива".

Резюмируя эту книгу, мы ясно видимъ только одно: въ Германіи $^{9}/_{10}$ нѣмцевъ хочетъ обратиться въ національное государство. Поэтому она желаетъ получить всѣ тѣ земли, гдѣ есть нѣмецкое населеніе, и гдѣ есть данныя, что народы, живущіе тамъ, могутъ быть нѣмцами ассимилированы. Поэтому въ ея движеніи на востокъ Россіи ей не нужно ни Херсонской, ни Екатеринославской, ни Таврической губ., такъ какъ это вредъ для будущаго заселенія Германіи. Но въ части Варшавы, Гродно, гдѣ можно разсчитывать на ассимиляцію съ одной стороны мѣстнаго населенія, а съ другой получить нѣмецкую массу, которая будетъ проводить нѣмецкія идеи, должа быть направлена волна нѣмецкой завоевательной политики. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, если бы Германія оказалась побѣдительницей, она будетъ требовать того, чего требуетъ ея національный союзъ. Мало того, въ случаѣ пораженія Германіи она можетъ усилиться, если мы, получивъ

цѣлый рядъ земель, отдадимъ ей, ввидѣ компенсаціи, кое-что изъ австрійскихъ земель. И Австрія прекратитъ свое существованіе, какъ великая держава, ибо всякая площадь, которая будетъ отдана Германіи съ нѣмецкимъ населеніемъ, увеличитъ силу Германіи, какъ Имперіи. Если она получитъ какіе нибудь 5-10 милліоновъ нѣмцевъ, она будетъ сильнѣе черезъ какіе нибудь 20 лѣтъ послѣ войны, не смотря на всѣ понесенныя жертвы, чѣмъ сейчасъ. Поэтому въ случаѣ побѣды, русскіе общественные круги должны обратить самое серьезное вниманіе и тщательно относиться къ каждому шагу русской дипломатіи, которая сейчасъ хотя и имѣетъ національно настроеннаго министра Сазонова, но бываютъ вліянія, болѣе сильныя, чѣмъ вліяніе англійское, для которыхъ обезкровленіе и обезсиленіе Германіи не представляетъ интереса. Ибо старый страхъ о путяхъ въ Индію не покинулъ Англію.

Русскій народъ долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна пядь земли австрійской не досталась Германіи, ибо каждая пядь земли съ нѣмецкимъ населеніемъ, увеличитъ мощь Германіи и явится опасностью для мира, который долженъ быть обезпеченъ, по крайней мѣрѣ, на 50, если не на сто лѣтъ. Счастье, что война ведется

сейчасъ. Жертвы, которыя мы приносимъ, велики, несомнѣнно, велики. Нѣтъ семьи, которая не заплатила бы дани своему патріотическому чувству. Несомнѣнно, что мы выносимъ сейчасъ, тяжело отражается и въ семейной жизни. Но всегда, у всякаго народа, говорилъ Скобелевъ, есть нѣчто, болѣе высокое, чѣмъ личные интересы, чѣмъ матеріальныя потери и т. д. Это—родина. Если русская власть проспала колонистическое движеніе Германіи въ Россіи и захватъ ею цѣлаго ряда областей, то надо благодарить Германію за то, что эта война была объявлена теперь а не черезъ 25 лѣтъ. Если бы она разразилась не теперь, а позже, если бы строго проводилась политика которую требовалъ желѣзный канцлеръ, политика медленнаго завоеванія Россіи не мечемъ, а колонизаціей, духовнымъ путемъ—Россія потеряла бы свой обликъ.

Эта война Россію разбудила, дала ей возможность выступить во всеоружіи, дала ей духовныя силы, и не подлежитъ сомнѣнію, что будетъ побѣда, а, если будетъ побѣда, то и свѣтлое будущее. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ окончанія войны будутъ распри между партіями, что русская прогрессивная мысль возьметъ верхъ надъ консервативной, что либеральное теченіе будетъ главенст-

вовать. И за это отвѣтственно русское правительство, ибо воюютъ не русскіе солдаты, а русскіе обыватели, русскіе избиратели крестьянъ: мужикъ, купецъ, чиновникъ, которые оторваны отъ своего очага.

Что происходитъ въ тылу? Тамъ много хорошаго, но много и сквернаго. И на будущихъ выборахъ будутъ подавать голоса за тѣхъ, кто будетъ порукой, что внесетъ оздоровительную струю въ неустройство нашего организма. Мы не будемъ закрывать глаза: 4,5,10 лѣтъ будетъ ярко выражена либеральная окраска. Но мы должны знать, что сначала инстинктъ самосохраненія, а потомъ, можетъ быть, пониманіе всей величины происходящихъ событій, сдѣлаютъ то, что мы сбросимъ съ себя иностранное иго и получимъ то духовное оздоровленіе, на которое мы имѣемъ право, какъ великая нація, и съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга будемъ готовиться къ новой борьбѣ, не націй уже, а расъ, ибо съ Востока идетъ новая волна. И отъ этого будетъ зависѣть исходъ будущей борьбы расъ.

А поэтому мы должны работать, не покладая рукъ, должны знакомить массы съ тѣмъ, что происходитъ на фронтѣ. Тогда мы можемъ быть спокойны, что исполняемъ

добросовѣстно свой долгъ передъ Государемъ и Родиной, и что мы приготовимъ счастливую Россію для молодыхъ, идущихъ намъ вслѣдъ поколѣній.!